

О.Б. Озеров

КАРИМ ХАКИМОВ

Летопись жизни

12+

Олег Озеров

Карим Хакимов: летопись жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Озеров О. Б.

Карим Хакимов: летопись жизни / О. Б. Озеров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга дипломата и публициста «Карим Хакимов: летопись жизни» с подзаголовком «О судьбах ислама и коммунизма в России» увлекательно рассказывает об удивительной судьбе и малоизвестных страницах биографии одного из первых советских дипломатов, заложившего основы отношений нашей страны после Октябрьской революции 1917 года с Саудовской Аравией и Йеменом. В ней также на фоне масштабных исторических событий того периода дается доступный для широкого читателя анализ взаимоотношений различных идеологических течений, переплетавшихся и боровшихся в дореволюционный и постреволюционный период в России и затем в СССР – коммунизма, ислама, в его российской версии джадидизма, и пантюркизма.

Содержание

К читателю	7
Предисловие	9
Детство и отрочество	12
Поиски веры	20
Юность: пора скитаний и размышлений	24
Предреволюционные годы и томский рывок	34
Оренбург – начало настоящей политической карьеры	39
Ахмет-Заки Валиди и борьба вокруг национального вопроса	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Озеров

Карим Хакимов: летопись жизни

К читателю

Эта книга необычна. Прежде всего, она необычна особой близостью между ее автором и героем. Первый из них – и ныне действующий видный советский и российский дипломат, служивший на посту посла нашей страны в Королевстве Саудовская Аравия в 2010–2017 гг. Второй – первый руководитель советского дипломатического представительства в этой же стране (сначала в Королевстве Хиджаз) в 1924–1928 и в 1936–1937 гг., оставивший ярчайший след в истории нашей дипломатии и в трудной истории наших отношений с этим государством. Примерно равную по времени часть своей жизни оба дипломата провели в одном и том же качестве в королевстве.

Кроме того, необычны сам герой этой книги и вся его жизнь. Какие повороты в его поразительной судьбе! Подросток в бедной крестьянской семье, вынужденный подрабатывать у богатея, ученик медресе и гимназии, революционер, крупный государственный, партийный и военный деятель, занимающий множество ответственных должностей, в том числе в Оренбурге и в Центральной Азии, дипломат – генеральный консул РСФСР/СССР в Мешхеде и Реште (Персия) в 1921–1924 гг., генеральный консул, затем полпред СССР в Джидде, полпред в Йеменском королевстве в 1929–1931 гг., а после повторной командировки в Джидду – жертва сталинских репрессий. За долгими годами забвения последовали годы заслуженной, хотя, к сожалению, посмертной славы. Каримом Абдрауфовичем в равной степени гордятся в Башкортостане, выдающимся представителем народа которого он является, и в Татарстане, где его тоже по праву считают своим.

В этой захватывающе написанной книге О.Б. Озеров предстает перед нами не только как опытный дипломат и большой знаток Арабского Востока, но и вдумчивый исследователь отечественной истории, а также талантливый, яркий писатель, умеющий увлечь читателя. Его работа закрывает большой пробел, существующий в многочисленных работах, посвященных К.А. Хакимову. Достаточно сослаться в этой связи на главы, в которых исследуется мало известные нам периоды жизни героя. Если аравийские страницы дипломатической эпопеи Хакимова нашли отражение в работах российских авторов, то страницы туркестанские и, в особенности, персидские до сих пор не получали столь детального и глубокого освещения. О.Б. Озеров также впервые приводит массу интереснейших фактов, украшающих повествование. Несмотря на то, что он взялся за тему, на которую уже очень много написано, он сумел непредвзято воссоздать историю становления уникальной, неповторимой личности, какой, безусловно, являлся Карим Абдрауфович. Это сделано на основе скрупулезного изучения архивных материалов и творческого освоения трудов предшественников автора, вклад которых в изучение темы он оценивает по достоинству. При этом он нередко подвергает критике ряд положений этих трудов, предлагая свою интерпретацию тех или иных событий из жизни героя своей книги, как правило, хорошо аргументированную. Автор не идеализирует героя, показывая его как человека с большими талантами, но и человеческими слабостями, при этом развенчивая некоторые стереотипы, вошедшие в труды ряда авторов.

Автору удалось создать целостную картину жизни и деятельности своего героя. Но книга не только о жизни одного человека. Ведь не случайно она имеет подзаголовок: «О судьбах ислама и коммунизма». А эта сложная тема в течение десятилетий была предметом исследований известных отечественных и зарубежных ученых, часто вступавших между собой в ожесточенные споры, еще не завершенные и сегодня. Через призму насыщенной событиями жизни героя О.Б. Озеров рассматривает важные эпизоды драматической истории нашей страны в годы революционных потрясений и становления Советского государства.

Уже прочитав название книги и имя ее автора, читатель наверняка будет ожидать что он, будучи высокопрофессиональным российским дипломатом, сконцентрирует внимание на

вопросах внешней политики и интересно расскажет в основном именно об этой стороне деятельности Хакимова. Однако уже первые страницы повествования позволяют увидеть, что замысел автора гораздо шире. Автор хочет не только рассказать нам о жизни и трудах одного человека, сколь бы значителен он ни был (а роль Хакимова в отечественной дипломатии действительно очень велика), а поделиться с нами своим взглядом на прошлое нашей страны. Ему удалось по-новому взглянуть на проблему формирования как внешнеполитического курса нашей страны, так и ее национальной политики, противоборства различных течений в национальных движениях ее мусульманских регионов, эволюции ее федеративного устройства.

Автор не обходит острых углов в истории нашей страны, которую он анализирует с позиций патриота. Читатель обнаружит в представляемой книге и эпизоды, касающиеся борьбы и соперничества руководителей советского внешнеполитического ведомства, и противоречий между теми или иными министерствами и группами интересов. Он дает характеристики деятелям, которые сыграли важную роль в судьбе героя книги. Не обходит, в том числе, и роли столь неоднозначной фигуры, как Ахмет-Заки Валиди.

В книге через летопись жизни героя фактически можно увидеть в миниатюре всю доверенную историю нашей страны с ее славными победами и достижениями, а также и трагическими событиями. Многоплановость и многогранность труда О.Б. Озерова, ее особый жанр – между наукой, публицистикой и литературой – наверняка сделают ее интересной для самого широкого читателя. Эту книгу читаешь буквально на одном дыхании.

Возможно, некоторые оценки и суждения автора покажутся читателю спорными, но это в значительной мере предопределяет ценность книги, которая побуждает к размышлениям. Уверен, что особый интерес ее выход в свет вызовет в Башкортостане и в Татарстане. Зная не понаслышке, насколько велик интерес арабов к личности К.А. Хакимова, могу уверенно предположить, что книга будет переведена на арабский язык.

Хочется еще многое сказать многое, но пусть судит сам читатель.

*Академик Российской академии наук,
лауреат Государственной премии РФ
В.В. Наумкин*

Предисловие

Любовь к отеческим гробам
А.С. Пушкин

Понять и не судить
Жорж Сименон

Сражаются идеи, а погибают люди
Афоризм автора

Взяться за написание этой книги меня побудило, прежде всего, мое пребывание в течение семи лет в качестве Посла России в Саудовской Аравии (2010–2017). Работа на этом посту, которую я совмещал с сентября 2011 года с деятельностью в качестве постоянного представителя России при Организации исламского сотрудничества, не раз демонстрировала мне, как история непосредственно влияет на день сегодняшний или, если перефразировать сакральное выражение юристов, незнание истории не освобождает от ответственности. Более того, игнорирование или непонимание истории, в данном случае истории российско-саудовских отношений, их генезиса, либо наносит ущерб связям двух стран, либо сильно сужает поле маневра дипломатов. И, наоборот, знание роли основоположника наших отношений с российской стороны помогает глубоко осознать коренные интересы двух стран, через их прошлое увидеть их будущее. Ибо история не только «политика, опрокинутая в прошлое», но и учебник будущего...

Изучение судьбы и деятельности Карима Хакимова – первого российского полпреда в Саудовской Аравии – имеет непреходящее значение для осмысления истоков и природы наших взаимоотношений с Востоком в целом, как арабским, так и мусульманским. Чем дальше от нас отстоит то время, тем больше открывается значимость того, что сделал К.А. Хакимов и советская дипломатия того периода – вне зависимости от отношения исследователей к тому периоду истории и к самому феномену СССР. Его имя золотыми буквами вписано в историю советской и российской дипломатии и должно занять видное место в пантеоне героев истории нашей многонациональной страны.

При этом важным представляется не столько изучение фактов жизни К. Хакимова и не перемена взгляда на него как на несомненно выдающегося политического деятеля и дипломата первой трети XX века. Его деятельность была не раз описана в единственной изданной до сих пор биографии Л.З. Гадилова и Ф.З. Гумерова, на которую я опирался как основу моей работы; в диссертации Р.Ф. Хайретдинова; работах японского профессора Хоккайдского университета Х. Наганавы; подробных, хотя и со множествами допущений, очерках Г.Г. Косача; статьях бывшего посла России в Саудовской Аравии (1996–2000) профессора И.А. Мелихова; фундаментальном труде академика А.М. Васильева «История Саудовской Аравии»; очерках и книгах посла в Йемене О.Г. Пересыпкина; статьях другого советского посла в Йемене и известного исламоведа В.В. Попова; недавней обстоятельной книге академика В.В. Наумкина «Несостоявшееся партнерство: советская дипломатия в Саудовской Аравии между двумя мировыми войнами», многочисленных более ранних его трудах и ряде работ других авторов. Много страниц посвящено деятельности К.А. Хакимова в книге известного саудовского исследователя Маджида Бен Абдельазиза ат-Турки «Саудовско-российские отношения в контексте мировой политики (1926–2007 гг.)». Все собранные ими материалы я постарался использовать в этой книге.

Однако сделанный этими биографами и учеными-востоковедами анализ его деятельности все-таки был ограничен задачами, которые стояли перед ними, и историческими обстоятельствами, в которых эти работы писались. Скажем, биография, написанная в 1960 году Л.З. Гадиловым (деверем К.А. Хакимова) и Ф.Х. Гумеровым, была санкционирована партийными властями эпохи Н.С. Хрущева и имела целью показать, какие замечательные люди попали под каток «сталинских репрессий». Уже хотя бы поэтому она не допускала никаких идеологических отступлений от образа пламенного революционера и верного ленинца. Она подвергалась жесточайшей цензуре со стороны партийных органов. В ней, например, нигде не найти упоминаний о том, что К. Хакимов был мусульманином и явно не относился к тем богоборцам в коммунистической среде, которые обрушивали репрессии на головы верующих. Это не отменяет гражданского подвига Л.З. Гадилова, который вскоре после расстрела зятя, как свидетельствует его внучка Зарема Гиндуллина¹, начал тайно собирать факты его жизни, храня их на чердаке в доме на улице Аксакова в Уфе, и потому, вскоре после реабилитации К.А. Хакимова, смог уже в 1960 году опубликовать книгу о выдающемся советском дипломате и великом сыне Башкирии.

Книга мирового уровня академика А.М. Васильева, являющаяся основополагающей в нашей историографии по Саудовской Аравии, посвящена истории этой страны и освещает деятельность К.А. Хакимова лишь в части его профессиональной деятельности в период его пребывания там, и соответствующая глава сконцентрирована на проблематике саудовско-советских отношений.

Упомянутая выше фундаментальная работа академика В.В. Наумкина затрагивает в основном деятельность Хакимова на посту генерального консула и полпреда СССР в Саудовской Аравии. Многие аспекты его становления как дипломата и политического деятеля вынужденно остались за кадром. Им посвящены лишь четыре страницы этого объемного труда. А этапы взросления К.А. Хакимова, его трансформации из правоверного мусульманина в «мусульманского коммуниста» очень важны для понимания его роли во внутренней и внешней политике страны, как и те люди, которые окружали его или способствовали его формированию. Чрезвычайно интересным представляется проследить, как из мальчика, родившегося в простой крестьянской семье, вырос профессиональный революционер, который затем из разрушителя старых порядков превратился в дипломата и созидателя державу государственного деятеля.

Г.Г. Косач очень детально рассмотрел оренбургский период жизни К. Хакимова, в основном через призму его борьбы со сторонниками башкирского национального движения той поры и с частью коммунистов, поддерживавших национальные устремления башкир, которых он не без оснований называет «бывшими джадидами». Однако многие выдвинутые им тезисы – об этническом блоке татарских коммунистов, в который якобы входил К. Хакимов; о будто бы карьерных устремлениях нашего героя; о том, что «его конкретные действия в направлении пробуждения “революционной энергии” народов Востока лишь возобновляли традиции» прошлого (читай: имперские) – нуждаются как минимум в более серьезных доказательствах.

Работа Маджида Бен Абдельазиза ат-Турки – одна из самых детальных и глубоко проработанных в части анализа идеологических мотивов российской внешней политики на Ближнем Востоке в постреволюционное время, что во многом помогло при написании этой книги. Но и он не углубляется в биографию Карима Хакимова, описывая лишь самые яркие эпизоды его работы в Саудовской Аравии.

С учетом всех этих ранее проведенных исследований, важным представляется беспристрастное рассмотрение его личности и деятельности через призму той эпохи, столкновения идеологий и идентичностей – коммунистической, исламской, национальной башкирской и татарской, пантуранской (тюркской), панисламистской, неоосманской и более широко – кол-

¹ См.: Бельские просторы. 2016. № 6. Июнь. С. 140.

лизии геополитических концепций (советско-российской и британской), даже если они тогда так не назывались, но латентно присутствовали в политических расчетах великих держав.

Хочется также увидеть в К.А. Хакимове не только политического деятеля, дипломата, но и человека, жившего в ту эпоху, с его сильными и слабыми сторонами, эмоциями, культурными предпочтениями. Причем взглянуть на него не только с позиций сегодняшнего дня и нашего исторического знания, но как бы изнутри, глазами людей того времени.

Важно не столько найти новые факты его биографии – что сделать довольно затруднительно, так как они в большей своей части давно исследованы и опубликованы, – сколько обобщить уже сказанное о нем, о различных этапах его жизни, бросить на нее свежий взгляд с иного ракурса, исправить отдельные, в основном невольные, неточности в ранних биографиях в контексте нового исторического знания, полученного в последние годы за счет появления свежих архивных данных о первой трети двадцатого века, проанализировать и переосмыслить его мировоззрение и мировоззрение тех людей, с которыми он соприкасался.

Интересен для исследователя – а особенно для исследователя-дипломата – и другой момент: соотношение политики государства и личности, ее реализующей. Иными словами – дипломат лишь «тупо» выполняет инструкции Центра или причастен к формированию политического курса, и если да, то насколько? Как это реализуется на разных исторических этапах? Есть ли какая-либо историческая закономерность в том, что в какие-то периоды истории роль личности становится едва ли не решающей, а в другие – она ничтожна и дипломат оценивается только по степени точности выполнения заданий своего министерства и, шире, политического руководства? И что делать принципиальному человеку и дипломату, каким и был Карим Хакимов, если директивы свыше начинают расходиться с его убеждениями? Уходить в отставку, пытаться доказать свою правоту, искать союзников во власти и выстраивать с ними альянсы – или молчать?

Рассмотрение этих вопросов на примере героической и в то же время трагической судьбы К. Хакимова видится весьма актуальным, поскольку он заплатил жизнью за дело рук своих, другими словами – самую большую цену из всех возможных. Иные за верность своим убеждениям и верность выбранной линии поведения платят карьерой, сменой направления деятельности, но К.А. Хакимов был расстрелян, и очевидно, что это так или иначе было связано с его дипломатической работой на саудовском направлении.

Детство и отрочество

*Если вернешься на берег Дёмы,
Где тополя шелестят на ветру,
Тихо пройди луговинной знакомой —
Там я недавно бродил поутру...*

*Я не вернусь на тихую Дёму,
Молодости воротить не могу,
Но, устремляясь мечтой к былому,
Сердце гостит на твоём берегу.*

*Дёме вверял я мои печали.
Как мне сочувствовала она!
Волны участливо мне отвечали,
Сердце моё понимая до дна.*

*Другом заветным считал я Дёму,
Чуткие, светлые волны ее,
И никому, никому другому
Не доверялось сердце мое.*

*Помню, как мне по ночам весенним
Дёма внимала, забыв покой,
Как волновалась моим волненьем,
Как тосковала моей тоской...*

*Дёма на волнах меня качала,
С нею мечталось мне горячей.
Молодость, жизни моей начало,
Я безоглядно оставил ей...*

Муса Джалиль

Родился наш герой и сын башкирской земли Карим Хакимов на берегах воспетой Мусой Джалилем реки Дёмы в селе Дюсян (Дюсяново) Белебеевского уезда (ныне Бежбулякский район Башкортостана) Уфимской губернии, по одним данным, 15 ноября (28 ноября по новому стилю) 1890 года², а по другим, указанным им самим в автобиографии, 28 ноября 1892 года, когда в стране шли масштабные капиталистические преобразования, шатались прежние феодальные устои, бурно развивалась промышленность, быстро росли старые и появлялись новые города. Однако эти события на тот период мало затрагивали далекую деревеньку на юго-западе Уфимской губернии, где она соседствовала с Оренбургской.

Жизнь там, на живописных берегах реки Дёмы, шла своим чередом, далеким от мчавшегося вперед поезда радикальных перемен в жизни России благодаря трудам великого и недооцененного реформатора Александра III. Люди были заняты тяжелым крестьянским трудом. Как писала в своих воспоминаниях сестра Карима³, Магния, в крестьянской семье Абдрауфа

² Копия из метрической книги на 1890 год – на вклейке. Источник – Национальный архив РБ, ф. И-295, оп. 9, д. 772, метрическая книга № 301. Запись на тюркском языке арабскими буквами.

³ Воспоминания о Кариме Хакимове / сост. Л.З. Гадилов, Г.Г. Амири. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982.

(или Габдрауфа, как тогда писали), их отца, было четыре мальчика и одна девочка. Сам Карим, который был третьим, говорил о семье из восьми душ, но тогда в многодетных семьях многие дети умирали, и о них потом не всегда вспоминали даже ближайшие родственники.

Есть такое поверье: человек либо оправдывает свое имя, либо опровергает. Карим по-арабски (а имена в те времена брались из Корана) – достойный. А Хаким – мудрый. Иными словами – Карим Хакимов – достойный⁴ из мудрых. И он оправдал свое имя. Наверное, и даже наверняка, во многом его жизнь и дорога были predeterminedены тем, что он родился у бедных, но достойных родителей. Не зря же говорят, что за каждым великим человеком стоит великая мать. Матерью Карима была Хамида Мухаетгали Зейнибаширова. К сожалению, мы о ней мало знаем, но ведь яблоко от яблони недалеко падает, как говорит русская пословица, и понятно, что с молоком матери ее сын, как и другие дети, выпитал много доброго и нужного для жизни. Родственники, в том числе племянница Карима Хакимова, Ольга Халиковна Хакимова, в беседе с автором отметила, что это была властная женщина с сильным характером, к тому же обладавшая даром знахарки. К ней приходили заговаривать болезни, лечить ячмень и прочие не очень серьезные недуги. О ее характере говорит хотя бы то, что она жестко пресекла попытку мужа привести вторую жену, что он имел право делать по исламским законам. Однако «вторая жена» была с позором изгнана из дома, и больше Абдрауф таких попыток не предпринимал.

Интересную и тоже достойную, насыщенную трудами и подвигами жизнь прожил и младший брат Карима – Халик (1895–1977): вдохновленный примером брата, он пошел в революцию, вступил в РКП(б) официально даже раньше брата на несколько месяцев, в январе 1918 года, работал вместе с Каримом в Оренбурге, вначале в комсомольской среде, затем в губкоме. Окончил Тимирязевскую сельхозакадемию по специальности «гидросиловик»⁵, прошел Великую Отечественную войну, стал известным ученым, доктором наук, профессором и автором 30 научных трудов и многих изобретений. Уже это само по себе говорит о незаурядности семьи. Своего брата – участника революционных преобразований Карим очень любил, переписывался с ним всю жизнь, а во время Гражданской войны, получив, к счастью, не оправдавшуюся весть о его гибели, поклялся за него отомстить.

Не менее интересную жизнь прожила сестра Карима Магния. Она окончила Башкирский сельскохозяйственный институт, долгие годы преподавала в нем, а в период Великой Отечественной войны была инструктором Уфимского райкома ВКП(б). Ее супруг, Лутфи Гадиллов, который со времен учебы в медресе «Галия» знал Карима, как я уже упоминал выше, стал первым биографом своего деверя и собрал в архивах еще в советское время бесценный материал о жизни своего выдающегося родственника. На него я во многом опирался при написании этой книги.

О старшем брате, Абдулле, известно мало. Сам Карим о нем почти не упоминал. Известно лишь, что Абдулла на ранних этапах жизненного пути своего младшего брата не раз помогал ему и выручал в тяжелых ситуациях.

Возвращаясь в далекое время детства Карима, заметим, что земли у этой многочисленной семьи было немного (сам К.А. Хакимов говорит в автобиографии о 3,5 десятинах), в хозяйстве всего одна лошадь, да одна корова – негусто для семьи из семи-восьми человек. Но так жили многие в Дюсяново, где семья была как бы в «средняках». Хлеба, как и во многих местах средней полосы России с ее суглинками, хватало лишь до января-февраля. После этого ели ржаную «затируху», зачастую сваренную даже без картошки. Хлеб весной приходилось занимать у более богатых хозяев и отдавать им потом с большими процентами. Туго было и с налогами. Бывало, староста и урядник, которых по понятным причинам в селе ненавидели, забирали у

С. 40–41.

⁴ Имя Карим имеет много значений: щедрый, честный, уважаемый, дорогой. Это одно из имен Аллаха.

⁵ Он занимался разработкой технологий заморозки фундаментов, по которой построено здание МГУ.

должников последнее, вплоть до домашней утвари. Приходилось изворачиваться, быстро и по дешевке продавать только что собранный урожай на станции Абдуллино, а затем у богачей покупать тот же хлеб, но на треть, а то и в два с половиной раза дороже.

Недоедавший, как и вся его родня, Карим сызмальства уходил батрачить в соседнюю деревню Биккулово, где работал на местного бая Карима Мухаметшина. Приходилось ему там несладко, раз мать каждый раз провожала его туда со слезами.

Чтение воспоминаний его родственников убеждает именно в такой картине детства Хакима. Другая версия, предложенная российским исследователем Р.Ф. Хайретдиновым, утверждавшим, что Карим был из состоятельной семьи, подтверждена гораздо более поздними сведениями, когда Карима в селе уже не было. Да и странно, что этот опытный исследователь полностью проигнорировал воспоминания родственников и друзей нашего героя...

Приводимые данные Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи говорят о том, что в 1917 году у Габдрауфа Габдельхакимова, отца Хакима, в собственности было 5,87 десятины земли, 8 десятин он брал в аренду, был пайщиком 15 десятин пашни и 5 десятин луговых угодий. К тому времени у хозяина было две лошади, четыре коровы и несколько голов мелкого рогатого скота⁶. Это, хотя и говорит о более сытой жизни семьи, но для тех, кто знаком с крестьянским трудом, отнюдь не выглядит как большое богатство. По тем понятиям это был недостаток ниже среднего. Скотину надо было кормить и поить, запасать корма, за ней убирать – а это тяжелый крестьянский труд. Даже, если верить переписи, такая семья в 1917 году могла нанять одного работника.

Важно учитывать, что после Февральской революции крестьяне начали по своей инициативе жечь усадьбы помещиков и захватывать землю, что и вызвало потребность в поземельной переписи... Нельзя исключать, что семья Хакимовых, с традиционными для нее бунтарскими обычаями (об этом чуть ниже), тоже взяла себе часть земель помещиков, на которых раньше батрачила.

Возможно, эти данные (о более значительных, чем указывал сам Карим, земельных угодьях семьи) стали позднее известны НКВД, который мог использовать их как свидетельство неискренности большевика Хакимова и повод подозревать его в более крупной лжи. Тем не менее вряд ли Карим сильно кривил душой. Слишком много свидетельств его родственников о том, что род был небогатым. Даже приводимый аргумент, что о богатстве семьи К. Хакимова говорит то, что мальчик учился в деревенской школе, ничего не доказывает. К началу XX века многие, даже очень бедные люди имели возможность получить начальное образование...

Да и, согласно родословной его семьи, она не была знатной, иначе это было бы известно в небольшой, по меркам России, Башкирии. Как пишет его внучатая племянница З.Х. Гиндулина, ссылаясь на видного историка башкирской земли А.З. Асфандиярова, по состоянию на 1850 год семья отца Хакима выглядела так: Губайдулла Ибрагимов, 66 лет, сыновья – Абдулла (его сын – Самигулла), Зайнулла (его сыновья – Залялятдин, Фахретдин), Халиулла (его сын – Хабибулла), Гайнулла (его сыновья – Аглиулла, Ахмедулла), Валиулла, Набиулла; племянник – Абдулхаким Абдулхафизов, 40 лет, сыновья – Габдулнафик, Габдрахим, Абдрауф Габдулхаким Файзуллин⁷. Последний – и есть отец Хакима, которому (отцу) тогда было всего три года.

Все предки Карима – коренные дюсяновцы. Согласно изысканиям работников Национального архива РБ (а другими данными я не обладаю), его прапрадед Файзулла Суербаев 1764 года рождения, скончался в 1813 году, прадед родился в 1786 году. Напротив его имени есть пометка, что Абдулхафиз Файзуллин с 1813 года служил в армии и не вернулся, что может означать, что он был участником Заграничного похода Русской армии 1813–1815 года и погиб

⁶ ЦГИА РБ, ф. Р-473, оп. 1, д. 939.

⁷ Цит. по: Бельские просторы. 2016. № 6. Июнь. С. 139. Имя отца также писалось как Габдрауф Абдулхакимов.

на войне. Дед Карима Абдулхаким Абдулфеизов родился в 1810 году и зафиксирован в ревизских сказках 1816, 1834, 1850 и 1859 годов⁸.

Несмотря на житейские невзгоды, мальчишка рос веселым, жизнерадостным, активным и очень впечатлительным. Как вспоминал его одноклассник Газиз Галимов, Карим увлекался пением и музыкой, в чем ему помогал природный слух. Он смастерил себе скрипку, сделал смычок из конского волоса. «В дни отдыха он собирал нас где-нибудь на задворках или в отдаленной баньке и начинал играть на скрипке, и сам же подпевал. Голос у него был приятный, мелодичный, пел свободно. Или же играл на кубызе⁹, чтобы мы плясали, иногда, не прекращая игру на кубызе, сам пускался в пляс»¹⁰. Позднее Карим научился играть на всех струнных инструментах, что сильно помогало ему выживать в его странствиях по свету. Наделенный от рождения чувством юмора, он уморительно пародировал местных чудаковатых мужичков, от чего все его сверстники и родня покатывались со смеху.

При этом он рос смекалистым и ловким мальчишкой: уже в десять лет легко вскакивал в седло и лихо гонял на лошади, принимал участие во всех детских играх и, что называется, был заводилой.

Будучи разносторонне талантливым и проницательным от природы, Карим не мог не задумываться над тем, почему жизнь устроена так несправедливо. Почему его гораздо менее одаренные сверстники, но имеющие богатых родителей обладают всеми возможностями для саморазвития, сытно питаются, играют игрушками, которые он не мог себе позволить? Нечаянную рану однажды нанес ему отец, когда Карим по его настоянию продал купленные на сэкономленные деньги коньки сыну мельника за сорок копеек. Пусть это было сделано в назидание за то, что деньги, с точки зрения родителя, были истрачены неправильно. Но такие случаи врезаются в детскую память и иногда остаются на всю жизнь...

Обостренное чувство справедливости было заложено у Карима, как теперь бы сказали, на генетическом уровне. Его прадеда убили считавшиеся богатыми жители соседнего села Борисовка, покусившиеся на земли крестьян Дюсяново. Они видели в нем зачинщика организованного сопротивления незаконному захвату земель и учинили над ним расправу, а труп бросили в реку Садак.

История имела продолжение: дядя Карима (брат матери) из чувства мести сбросил одного из борисовских со скалы. Вражда между селами приобрела затяжной характер. Так что бунтарский дух, традиции борьбы за справедливость, причем, как теперь сказали бы, «вне правового поля», у молодого мальчишки, который, открыв рот, слушал рассказы о своем прадеде, были семейные. Попадись ему тогда книги Вальтера Скотта, баллады о Робин Гуде, он наверняка зачитывался бы ими. А так ему приходилось довольствоваться башкирским фольклорным дастаном-киссой (народной поэмой) Багави «Бузьегет» да эпосом на основе библейских и коранических сюжетов «Юсуф и Зулейха», которые он с чувством читал вслух, иногда заливаясь слезами... Наверное, тогда он представлял себя героем этих произведений, батыром с раскладным алмазным мечом, разящим врагов. Задумывался ли он о том, что так же, как Бузьегет, израненный в неравных схватках с ханским войском, будет казнен? Да вот только его Карасэс не построит над его могилой прекрасный дворец... Да и сама могила на полигоне в Бутове останется безымянной.

Вряд ли тогда он знал (хотя, может быть, и знал) о другом, но реальном герое братского татарам башкирского народа – Салавате Юлаеве, сподвижнике Емельяна Пугачёва, который за свои подвиги заслужил уважение бедняков и ненависть царских властей. Он так же, как и Карим, на себе испытал несправедливость, когда у его отца незаконно была отнята земля.

⁸ Цит. по материалам, предоставленным Национальным архивом РБ.

⁹ Национальный инструмент башкир и татар.

¹⁰ Там же. С. 43

Только было это за 117 лет до рождения нашего героя, в 1773 году... Так же, как впоследствии Карим, Салават Юлаев был, по-современному говоря, интернационалистом и сражался в одном ряду с русскими повстанцами против общего врага...

Карим не был поэтом, как Салават, но вслед за ним он, как человек, склонный к творчеству, мог бы произнести – или спеть – эти строки народного героя-батыра Башкирии:

*Я гляжу на цепи гор в нашем благостном краю,
И, вбирая их простор, Божью милость познаю.
Песней небо раскололось, соловей поет в доли,
Как азан звенит мой голос, Богу вознося хвалу!
Не зовет ли на молитву верных мусульман?
Провожает меня в битву мой Урал – родимый стан!*

Наблюдая жизнь вокруг себя, впитывая свои детские впечатления, Карим неумолимо приходил к выводу о несправедности творившегося вокруг, и в нем, как и во многих тогда, росла убежденность в необходимости круто изменить жизнь и своего села, и народа в целом. Он только не знал как... пока. Но уже был убежден, что «добро должно быть с кулаками». Или, как говорит башкирская пословица: где есть народ, там и батыр найдется.

Возможно, он тогда искал, как и Салават, утешения в исламе – религии, в которой много места уделяется принципу справедливости – адала. В соответствии с исламом, идеалы справедливости провозглашены Аллахом и не являются предметом общественного обсуждения. Ислам запрещает любые проявления несправедливости («зульм»), которая понимается как отклонение от пути, предначертанного Аллахом. Отношения между всеми членами общества должны строиться на справедливости и милосердии. Причем Коран требует от правоверных мусульман соблюдать принципы справедливости даже тогда, когда это противоречит их собственным интересам.

Основы этого учения не могли не нравиться молодому Кариму, жившему в исламской среде. Да и особенного выбора у него не было на первых порах его развития. В селе была всего одна школа – мектебе, в которой Карим учился в 1903–1905 годах. Там он научился читать и писать на тюркском языке, узнал и, благодаря цепкой памяти, выучил наизусть исламские молитвы, знание которых потом пригодилось ему на его высоком дипломатическом посту в Джидде.

В целом основой мировоззрения татар и башкир того периода было, безусловно, религиозное сознание. Российские мусульмане, за исключением ряда народов Кавказа, в своем большинстве исповедовали суннитский ислам ханафитского мазхаба (толка).

В те времена, в конце XIX века, вообще не существовало понятия «национальность». Согласно переписи населения Российской империи от 1897 года, в России проживал 125 640 021 человек, из которых 13 906 972 (то есть 11 %) были «магометанами», то есть мусульманами. В их число включали все исповедующие ислам народы – азербайджанцев, башкир, волжских, крымских и сибирских татар, узбеков и т. п.¹¹

Башкирия вошла в состав Российской империи в 1557 году, причем в том числе на условиях сохранения свободы вероисповедания. Еще со времен Екатерины Великой имевшие место до ее властвования попытки прямой христианизации и ассимиляции иноверцев, прежде всего мусульман, были заменены царской властью из-за их полной безуспешности более гибкой политикой, что нашло свое выражение в ее Указе от 1773 года «О терпимости вероисповеданий». А с 1778 года появилась первая разрешенная организация мусульман – Оренбургское

¹¹ Цит. по: Беккин Р.И. Русские мусульмане: заблудшая секта или авангард российской уммы? // Дружба народов. 2012. № 10. С. 153.

магометанское духовное собрание (ОМДС). Изначально оно называлось Духовное собрание магометанского закона. При этом ислам не был государственной религией, как православие, и потому к тем, кто его исповедовал, применялись иные нормы.

ОМДС играло роль шариатского суда, руководило деятельностью мусульманской духовной элиты, проводило экзамены на занятие должностей мусульманских духовных лиц при общинах и выдавало выдержавшим их лицензии¹².

Большую роль в налаживании системы образования для мусульманских народов России сыграл известный русский востоковед-тюрколог Н.И. Ильминский (1822–1892), преподававший в XIX веке в Казанской духовной академии. Нацеленный на распространение православия среди иноверцев (а татарская интеллигенция упрекала его в намерении русификации и ассимиляции татар, что, собственно, ему действительно вменялось в задачу царскими властями), он тем не менее к середине пятидесятых годов позапрошлого века пришел к убеждению, что «лучшим средством для борьбы с иноверческой пропагандой может быть только школьное просвещение инородцев», «которое развило бы в них охоту к самостоятельному, беспристрастному размышлению, обогатило бы их здравыми понятиями о природе и истории и внушило бы им уважение к свидетельствам достоверным»¹³. Его линия была поддержана Святейшим синодом и императором Николаем I, что позволило развить для российских мусульман свою систему религиозного образования, достаточно толерантную, как теперь бы сказали, к светским знаниям.

К моменту рождения Карима Хакимова в ведении ОМДС находилось 4252 прихода, один из которых был в Дюсяново. Школа при нем давала начатки духовных знаний, а в начале XX века повеяли новые ветры, и в ней стали преподавать некоторые светские науки, что чрезвычайно заинтересовало Карима. Это произошло благодаря усилиям реформаторов из числа последователей джадидизма (о них мы еще подробно расскажем), нашедших поддержку у некоторых властных кругов Российской империи. В системе исламского образования стали распространяться так называемые новометодные – усуль аль-джадид, – совмещавшие светские и религиозные дисциплины, школы, коих число позднее, к 1916 году, достигло в России 5 тыс., по свидетельству А.А. Бенингсона¹⁴.

Жажда знаний в пришедшем в школу Кариме Хакимове была так же сильна, как и чувство справедливости. Можно сказать, что они шли рука об руку: в новых познаниях он искал утоление жажды правды, что тогда, похоже, не совсем понимали его сверстники. Другим важным следствием обучения в дюсяновской мектебе было получение схватывавшим все на лету учеником первых начатков понимания арабского языка, что впоследствии также сыграло важную роль в его карьере и работе в Садовской Аравии.

И вот тяжелое и наполненное испытаниями детство и отрочество подошли к концу. К засушливому и неурожайному 1906 году стало ясно, что будущего у быстро повзрослевшего талантливого парня с бьющей через край энергией в Дюсяново не будет. Ветры перемен и модернизации к тому моменту уже добрались до этого далекого села. Два старших брата один за другим уехали строить Оренбургскую железную дорогу (старший брат уехал первым и пропал).

Другим осложняющим жизнь башкир фактором стала земельная столыпинская реформа. После издания в 1906 году известного столыпинского земельного закона в Башкирию хлынули русские переселенцы, которым были созданы большие привилегии. Если до введения в дей-

¹² См.: *Логинов А.В.* Евразия и ислам. Евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России – Евразии. М.: Большая русская энциклопедия, 2017. С. 15.

¹³ *Зеленин Д.К.* Н.И. Ильминский и просвещение инородцев (К 10-летию со дня смерти 27.XII.1901 г.). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. № 2. С. 105, 183.

¹⁴ Цит. по: *Логинов А.В.* Евразия и ислам. С. 59.

ствие этого закона башкиры составляли до двух третей населения и больше, то к 1913 году их было уже около 62 %, а местами – 55–54 %.

Жизнь крестьян становилась все тоскливее, хозяйство хирело, отец все больше работал на местного помещика Тимашева, и Карим принял решение круто изменить свою жизнь и так же, как братья, попытать счастья в Оренбурге. Он был полон сил и желаний, многое для простого крестьянского парня умел, а еще большему хотел научиться. На селе остался его младший, уже упоминавшийся нами брат Халик, внешне похожий на него, близкий ему по духу и тоже весьма неординарный. Так что за родителей он был спокоен. Погоревав, они отпустили его.

Как рассказывал его друг Газиз Галимов, осенью 1906 года Карим поступил учиться в медресе «Садык» хазрета в Каргалинской слободе – пригороде Оренбурга¹⁵. Там он пробыл до апреля 1907 года. Там же тогда учился и сам Газиз, который, скорее всего, и порекомендовал другу туда записаться. Добыть деньги на пропитание было чрезвычайно сложно. Если Газиз кормился с кухни, на которой готовил для учеников, то Кариму было гораздо труднее. Порой друг выручал и оставлял остатки еды на дне котла, но так не могло продолжаться долго. В конце концов, поработав вначале дворником в лавке мясника, Карим прибился к слепцу, жившему при медресе. Тот был карий (букв. «чтец» по-арабски) – знаток Корана и мусульманских молитв. Зная Священную книгу наизусть, он получал за свои труды подаяние и за сопровождение делился с Каримом хлебом. Но все это выглядело шатко, ненадежно, бесперспективно, хотя и тут молодой парень нашел чему поучиться, запоминая наизусть суры Корана, которые читал слепец...

И в этот момент проявилась еще одна черта Карима – целеустремленность. Он пытливо и старательно изучал в медресе арабский язык, но вскоре осознал, что знаний, которые он там получал, ему явно недостаточно, он хотел знать и понимать больше, намного больше, чем Коран и арабский язык. Он хотел понять, как устроен мир, получить полезные знания для жизни, разобраться в ее противоречиях и, как он тайно размышлял, не делаясь даже с близкими, получить ключи к его изменению...

И он снова круто меняет свою жизнь, доказывая себе и другим, что у него есть не только цель, но и воля к ее достижению. Его решимость и понимание того, к чему он стремится, уже тогда поражали всех, с кем он соприкасался.

Но робость у деревенских мальчишек все же еще оставалась в характере. Так, войдя впервые в Оренбург вместе с Газизом – а шли они туда пешком 200 верст, – Карим не хотел демонстрировать свои новенькие лапти и, чтобы не выдать свое простецкое происхождение, предпочел первое время ходить в дырявых кожаных калошах-ката. Чтобы скрыть дыры, их заливали водой, которая, замерзнув, эти дыры скрывала. Но это мало помогало. Оренбург их встретил холодно. В большом по тогдашним меркам и быстро развивавшемся промышленном городе место найти было все равно трудно. Газиз был согласен на все и устроился дворником в харчевню к татарскому хозяину. Карим же искал работы у русских, полагая, что, выучив русский язык, он получит доступ к гораздо большему объему знаний. И тут он опять был прав. Впервые проявилась широта его души и полное отсутствие ксенофобии и национализма. Он готов был учиться у любого народа, который мог ему дать новые знания.

Однако первая попытка оказалась неудачной. Русская купчиха отказала молодому парню в работе, сочтя, что он плохо понимает русский. Увы, тогда она была права. Расстроенный, Карим летом 1907 года вынужден был устроиться половым к татарскому баю на станции Челкар, но затем, не видя никакой перспективы и какого-либо смысла в грязной и неквалифицированной работе, ушел на Ташкентскую железную дорогу ремонтным рабочим¹⁶. Даже работая

¹⁵ Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 52. См. также автобиографию: Архив РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 146728, л. 14.

половым, он не терял времени и учил с помощью приказчика русский язык. А к тому времени рукастый парень уже многое умел и хорошо разбирался в технике, которой увлекался, так что на железной дороге он пришелся к месту и впервые стал пролетарием, что затем помогло круто изменить его жизнь. В 1907 году он работал на станциях Джела и Кумпулаа.

Поиски веры

Только в большевистских мифах о революционном движении рассказывается, как мгновенно преобразались люди, вступив в ряды пролетариата. На деле все было не так или, как говаривал И.В. Сталин, просматривая снятые по его же указанию фильмы об Октябрьской революции, совсем не так. Карим в те годы, несмотря на то что он соприкоснулся на железной дороге с рабочей средой (а железнодорожники были относительно привилегированными работниками по тем временам), все еще оставался правоверным мусульманином и источник не только знаний, но и истины искал в Коране, в среде единоверцев. Иначе не объяснить его упорное желание найти хорошее медресе. Понятное дело, что о своей вере в автобиографии советского периода он не распространялся и никак свою тягу к религиозным школам не объяснял, ограничиваясь фактологическим изложением событий своей жизни в те годы.

Проведя лето 1908 года в киргизском ауле, где он за деньги учил детей богатых кочевников, поздней осенью 1908 года он опять возвращается в Оренбург, снова поступает в медресе, снова пытается найти правду и смысл жизни в коранических текстах. Усердия ему не занимать, но программы, жестко нацеленные на овладение Кораном, его не устраивают... По весне он снова уезжает в казахские степи, где, судя по всему, ему неплохо платят.

Не теряя веру, он снова и снова возвращается в медресе. Сперва проводит зиму 1909 года в селе Никольское Оренбургской губернии, где опять учит Коран¹⁷, а затем на лето уезжает к казахам, которым полюбился не просто молодой учитель, но веселый и талантливый парень, который не только мог дать знания детям, но, когда надо, и спеть, и сыграть на домбре, а то и пуститься в пляс.

Но нет, не устраивает Карима сытая жизнь у добрых казахов. Непоседливый и не привыкший долго задерживаться на одном месте, он снова возвращается в медресе. Но на этот раз, поднакопив денег, он пытается выбрать лучшее, которое только смог найти. Таких было в регионе всего два – двенадцатилетняя «Хусайния» (или «Гусмания») в Оренбурге и престижная шестилетка «Галия» в Уфе. Их открыли на волне новой национальной политики царского самодержавия, которое после революции 1905 года вынуждено было «отпустить вожжи» и дать возможность создать национальные школы. Основное содержание образовательного процесса в них вдохновлялось идеями видного исламского просветителя, основоположника идей джадидизма (обновленчества светского характера в исламе) и пантюркизма в России, журналиста Исмаил-бея Гаспринского (1851–1914), наследие которого продолжает оставаться актуальным вплоть до наших дней.

В 1881 году Исмаил-бей Гаспринский, живший и творивший, кстати говоря, в Крыму, опубликовал свое сочинение «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения». Он призывал в нем власти империи уделять больше внимания сближению русских и русских мусульман. Наилучшим средством для этого он считал развитие просвещения для правоверных на родном языке. «Русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества, – писал Гаспринский, – ему почти неведомы его горе и радости, ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи. Незнание русской речи изолирует его от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры...»

Царизм, несмотря на понимание панисламской и пантюркистской подоплеки джадидизма, нацеленного на формирование новой идентичности, все же допускал на основе идей Н.И. Ильминского (и отчасти Исмаил-бея Гаспринского) внедрение его просветительских

¹⁷ Тут сведения родственников и ранних исследователей жизни К.А. Хакимова расходятся с его автобиографией, в которой говорится, что осенью 1909 года он уже поступил в медресе в Уфе.

новаций в образование в «исламских» районах Российской империи еще и потому, что страна во второй половине XIX века расширялась в основном за счет присоединения земель с мусульманским населением (Хивинское царство, Бухарский эмират, Кокандское царство), и джадидизм с его просветительством, совпавшим по времени с капиталистической модернизацией России, которая требовала новых кадров со знанием светских наук, представлялся тогда куда меньшим злом, чем сохранение преподавания «чистого ислама».

И вот молодой мусульманин выбирает уфимскую «Галия» – возможно, лучшее детище джадидизма. Резонов это сделать у него было много. Во-первых, Оренбург его, как мы уже это показали, встретил неприветливо, жизнь там была скудная. Обратного туда Кариму явно не хотелось, да и вообще он был горазд до новых впечатлений, не любил задерживаться на одном месте. Во-вторых, в «Галия» как-никак преподавали не только религиозные дисциплины, но давали основы общих светских знаний. Принимали туда шакирдов (учеников) от 15 до 45 лет на основе экзаменов. Изучали языки (арабский, османский, русский, по желанию – французский), историю и философию ислама, толкование Корана, сунну (хадисы о жизни пророка Мухаммеда). Из светских дисциплин ученики овладевали любимой Каримом математикой, химией, психологией, педагогикой, дидактикой, литературой, чистописанием, музыкой.

Это знаменитое медресе окончили или в нем учились известные башкирские и татарские писатели, общественные и государственные деятели: Мажит Гафури, Шайхзада Бабич, Хасан Туфан, Сайфи Кудаш, Нуриагзам Тагиров, Карим Идельгужин, известный казахский деятель народного образования Н. Манаев, Султан Габяши и другие.

На торжественном юбилее медресе 26 декабря 1916 года его директор и основатель Зияитдин Камалетдинов (Зия Камали) сообщил, что за десять лет в «Галия» прошли обучение 950 юношей, из них 224 человека не татарской национальности. Выпускники работали в 28 губерниях, в 230 школах разных ступеней, обучая при этом 17 тыс. детей, по всей России. 38 человек работали указными, 14 военными муллами, а 29 выпускников стали к этому времени деятелями культуры¹⁸.

Кроме того, Карим уже мог позволить себе оказаться среди более богатых и успешных учеников. Как писал в воспоминаниях его лучший друг молодости и муж его сестры Лутфи Гадилов, учившийся в том же медресе, когда он встретил там этого широкоплечего, коренастого парня среднего роста с пронизательным взглядом, он приметил, что на нем был «аккуратно сшитый по национальной моде серый костюм, касимовская шапка, на ногах – туфли»¹⁹. Рассуждения некоторых авторов о том, что К. Хакимов якобы никогда не учился в «Галия», не выдерживают критики. Есть фотографии, на которых он запечатлен вместе с другими учениками этого заведения.

Иными словами, Карим, долгое время ходивший в лаптях да опорках, не только имел к тому моменту средства, чтобы хорошо одеваться – он, кстати, будет уделять этому моменту немалое внимание, работая в Саудовской Аравии, – но и желание войти в новую для себя среду.

Однако его надежды на то, что элитное медресе даст ему желаемые ответы на стоящие перед ним вопросы, не оправдались. Естественные науки преподавали не так хорошо, как он надеялся, русский язык – еще хуже, так что лелеемые Каримом мечты приобрести нужные знания пришлось на время оставить... Да и среда шакирдов была ему чужда, если не враждебна. Ведь кроме детей татарской и башкирской интеллигенции там учились отпрыски тех самых купцов и богатеев, которые унижали и его самого, и его семью. Не было в их душах ни правды, ни истины, думал Карим. Классовые, сословные и имущественные различия быстро дали себя знать. Мощный талант и разносторонние способности крестьянского парня из башкирской глубинки вызывали у многих только зависть и насмешки. Зачастую заносчивые и высокомерные

¹⁸ См.: Галия (медресе) [Электронный ресурс] // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Галия_\(медресе\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Галия_(медресе))

¹⁹ Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 5.

ученики третировали простолюдина. И никакое смирение, проповедуемое исламом (ислям – покорность по-арабски), не могло заставить Карима примириться со своим униженным положением. Через год он покинул элитное медресе и, как горьковский герой, пошел странствовать и искать по свету свою правду.

Однако было бы неправдой сказать, что в «Галия» Карим ничего не приобрел. Он жадно впитывал знания, просто пил их, да и среди шакирдов было немало людей, которые затем, как мы уже упомянули, составили цвет национальной интеллигенции. У них тоже было чему поучиться крестьянскому парню и положить в свою бедняцкую котомку.

К тому времени по всему фундаменту Российской империи уже побежали первые трещины. Несмотря на беспримерный героизм русских солдат, была проиграна Русско-японская война 1904–1905 годов, авторитету государя был нанесен ущерб Кровавым воскресеньем – 9 января, начались мятежи и бунты, многомиллионные забастовки рабочих, переросшие в первую русскую революцию...

Именно расстрел войсками мирной демонстрации 9 января 1905 года, шедшей с хоругвями на поклон к царю, вне зависимости от роли провокаторов, таких как Гапон и другие, привел к десакарлизации монарха в общественном сознании, заставил многих людей пересмотреть свое отношение к самодержавию. Среди них были и те, кто впоследствии стали наставниками Карима, в том числе и знаменитый военачальник первых лет советской власти Михаил Васильевич Фрунзе, которого именно трагические события того дня (а он в них участвовал) толкнули в объятия революционеров.

Реформы, начатые Николаем II после революции 1905 года и, по сути дела, ставшие реализацией требований тех, кто пришел в январе к стенам Зимнего дворца, хотя и были достаточно масштабными, охватывали многие стороны политической, экономической и социальной жизни страны, быстрых результатов для народа, прежде всего крестьянства, не давали. Думу, приобретшую благодаря воле государя большие полномочия, приходилось распускать раз за разом, поскольку она каждый раз требовала большего, чем на то мог согласиться царь. Монархия раздвоилась: она уже не была абсолютной, но полностью конституционной, как хотели многие, в том числе в самом правящем классе, не стала... Везде воцарился дух смятения и ожидания каких-то новых событий... Возвращавшиеся с проигранной японской войны солдаты несли дух пораженчества и критики самодержавия. Свою лепту вносила и вечно нигилистски настроенная интеллигенция.

О чем думал тогда Карим? Аллах ведает! Но можно представить, как мыслили в ту пору его соотечественники, прошедшие похожий тяжкий путь... Так и хочется процитировать также поскитавшегося по свету великого русского писателя той эпохи Максима Горького, который писал в своем знаменитом, но ныне забытом очерке «Человек»:

«Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует – вперед! и – выше! трагически прекрасный Человек! Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомленья – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает.

Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротою куда-то вглубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом – “зачем он существует?” – он мужественно движется – вперед! и – выше! – по пути к победам над всеми тайнами земли и неба. Идет он, орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь, и создает из этой жгучей крови – поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно претворяет, из опыта – науки создает и, каждым шагом украшая жизнь, как солнце землю щедрыми лучами, – он движется все – выше! и – вперед! звездою путеводной для земли...»²⁰

²⁰ Горький М. Человек [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/>

В умах людей того времени религиозная догматика и защищавшее ее кадимистское (от арабского слова *кадим* – старый) направление в российском исламе проигрывало возрожденческим идеалам эпохи модерна – как светским, гуманистическим (выразителем которых был и М.А. Горький), так и религиозным, обновленческим, а конкретно – джадидизму. Почему? Это другой вопрос и не тема нашего исследования, но факт остается фактом. Наш герой, прикоснувшийся в передовых по тем временам медресе к мировоззрению джадидизма, явно ставшего тогда властителем дум исламской молодежи, еще не выбрал свой путь. Но ему уже было ясно, с кем он не будет...

Юность: пора скитаний и размышлений

С такими или почти такими мыслями бросился навстречу судьбе Карим, оставив в 1911 году медресе «Галия», а с ним, похоже, и мысли об исламе как единственной путеводной звезде. Он поехал в Туркестан! Он искал чего-то принципиально нового, причем в свои двадцать лет вряд ли представлял, что он конкретно ищет. Теперь он хотел получить знания о мире не в школе, а от самой жизни, от странствий. Может быть, он считал, что исламские идеалы справедливости претворятся в жизнь в туркестанских землях? По-юношески самоуверенный, он не боялся новизны, перемены мест, а жаждал их, полагая, что со своими способностями всегда как-нибудь заработает себе на жизнь, но не будет испытывать унижений от более богатых и успешных сверстников. Гордость и чувство собственного достоинства для него были важнее денег...

А может быть, в его душе теплилась надежда, что в Туркестане, где, наряду с Казанью, в Бухаре, находился интеллектуальный и духовный центр ислама тогдашней России, ему удастся найти ответы на «проклятые вопросы»: как жить, что такое справедливость и есть ли она в этом мире? Ведь именно там, в Бухаре, ковалась вера и мудрость исламских мыслителей, таких как Ш. Марджани, о котором мы скажем ниже, и других.

За четыре года странствий – с 1911 по 1915 год – он исходит и изъездит всю Среднюю Азию, совсем недавно (всего лишь в 1884 году) вошедшую в состав Российской империи. Ташкент, Коканд, Канибадам – вот основные города его скитаний.

Но отвлечемся на время от жизнеописания нашего батыра. Ведь по тем местам Центральной Азии бродили и другие выходцы из Башкирии. Но искали они других знаний и впечатлений, хотя их пути так или иначе переплетались с хождениями и путешествиями Карима. Речь идет о знаменитом востоковеде и весьма разностороннем (кто-то считает – многоликом) человеке, оставившем глубокий и неоднозначный след в судьбе Башкирского края. Звали его Ахмет-Заки Валиди Тоган (Ахметзаки Ахметшахович Валидов). К нему мы не раз еще будем возвращаться в ходе нашего повествования.

Он нам интересен хотя бы потому, что родился в один год с Хакимовым с разницей в один месяц, также в Башкирии, тоже в селе, и тоже, как считают некоторые ученые, не был стопроцентным этническим башкиром (о его происхождении существует много версий – ногайская, тептярская, татарская), хотя себя им, возможно, из соображений политической карьеры называл. Но главное – его пути и пути Карима Хакимова не раз незримо (а затем и зримо) пересекались, причем они практически почти в одно и то же время путешествовали по тогдашнему Туркестану. Возможно, и тот и другой искали там знаки судьбы и свой путь? И тот и другой стали политическими деятелями, действовавшими в какой-то период на одной и той же исторической арене, но с разным видением судеб Башкирии. Да и их личные судьбы сравнимы по накалу и драматизму, хотя А.-З. Валиди и прожил почти в два раза более долгую жизнь, закончив ее в Турции в 1970 году.

Что же влекло А.-З. Валиди в Туркестан? По форме отнюдь не то, что главного героя нашего повествования. Ахмет-Заки Валиди был из совершенно другого сословия, чем Карим, происходил из известной семьи религиозных деятелей. Учебу он начал гораздо раньше, чем его сверстник, – уже с 1898 года в медресе своего отца, изучал иностранные языки, причем на первом месте стоял русский, которым он овладел в совершенстве, практически как родным, на уровне, позволившем писать научные труды. Огромная разница с Каримом, у которого начальные условия были намного хуже!

Ахмет-Заки, в отличие от Карима, не знал нужды – ни материальной, ни духовной. С детства он купался в высокоинтеллектуальной среде, жил среди философских споров и дискуссий, особенно когда учился в Утякове, в медресе своего дяди Хабибназара Сатлыкова (Хабибназара

Утяки), который, в свою очередь, был учеником знаменитого татарского просветителя, упомянутого выше шейха суфийского ордена Накшбанди Ш. Марджани – предтечи И. Гаспринского и его джадидизма. Дядя, будучи сам автором целого ряда книг, прививал юному Ахмету-Заки любовь не только к религиозным, но и к светским знаниям, в том числе к математике и астрономии, учил его арабской риторике, знакомил с биографиями выдающихся арабских ученых. Уже тогда у талантливого молодого человека зародилось желание стать таким же ученым, как Шигабутдин Марджани. Иными словами, Ахмет-Заки имел с детства доступ ко всему тому богатству знаний, к которому ни по происхождению, ни по материальному положению не имел доступа Карим!

По всем признакам, Ахмет-Заки мог бы пойти по стопам другого ученика Марджани – Хусаина Фаизханова, который после учебы в Казани затем был переведен (после открытия в 1855 году Восточного факультета Санкт-Петербургского университета) в столицу Российской империи вместе практически со всем преподавательским составом Восточного разряда (факультета). Как и он, он мог бы всю жизнь заниматься описанием средневековых восточных рукописей, составлять картотеку арабских рукописей Азиатского музея и разрабатывать основы реформы исламского образования, писать грамматику татарского языка. Но ему был уготован другой путь...

В целом Ахмет-Заки Валиди вписывался в мощные струи джадидизма, омывавшие российскую мусульманскую умму. В этом движении, основы которого были заложены Ш. Марджани, опиравшимся на своего предшественника, правоведа и богослова Абд-Насира аль-Курсави (1776–1812), формировались разные направления. Одни из них были нацелены на стремление к признанию мусульманской уммы в России полноценным и полноправным субъектом исторического развития страны, но в рамках Российской империи (Исмаил-бек Гаспринский, Каюм Насыри), а другие, как Ахмет-Заки Валиди, М. Султангалеев, мечтали о формировании новой мусульманской идентичности на основе синтеза идей обновления ислама и его встраивания в мировые цивилизационные тренды с идеями общего тюркского и исламского прошлого, что не исключало их выход на мировую арену в качестве самостоятельного субъекта вне России. Третья ветвь джадидизма – симбирский татарин Ю. Акчурин, бакинец А. Агаев, уроженец Кавказа Д.М. Мурад-бей – выступали за объединение всех тюркоязычных народов под эгидой турецких султанов.

Ахмет-Заки, начинавший как ученый-историк, тяготевший ко второй ветви джадидизма, был похож на драгоценный камень, прошедший долгую и сложную огранку в умелых руках, а Карим – на золотой самородок, вышедший из самых недр матушки-земли.

Общим же было то, что оба питали ненависть к невежеству и огромное уважение к знаниям, стремились ими овладеть. Понятно, что познававший духовные глубины вселенной ислама Ахмет-Заки, живший идеями Ш. Марджани, его рассуждениями о ханафитах, спорами с ними, изложенными в его основополагающей работе «Китаб ал-хикма ал-балига ал-джанния фи шарх ал-акаид ал-ханафия» (Книга о зрелой философии, помогающей объяснить вероучение ханафитов), был к двадцати годам намного образованнее своего погодка из Дюсанова... Но шли они в одном и том же направлении, в соответствии с запросами того времени – от чисто религиозной к светской мысли, к идее более светского образования, хотя путь Ахмета-Заки, надо признать, был намного интеллектуальнее. Тот порыв к обновлению ислама, в чем-то перекликавшийся с европейскими идеями Возрождения (но, как правильно пишут многие историки, далеко не во всем, так как не ставил под вопрос догматы исламского вероучения), который Карим познавал урывками, зачастую интуитивно, Ахмет-Заки воспринимал через аргументированную критику ханафитского калама и мутакаллимов, виртуозно изложенную Ш. Марджани в рамках суннитского иджтихада и восторженно воспринимавшуюся татарской и башкирской интеллигенцией. Да, далек был Карим от философии Ш. Марджани, сочетавшей в себе рассуждения о вере в Бога и Его именах, атрибутах Всевышнего, предопределении,

загробной жизни, пророчествах и ангелах, проблемах халифата и имамата и связанных с ними понятиях!

Высокообразованный Ахмет-Заки уже в 1908 году начинает преподавательскую деятельность в Казани (кстати, позже он преподавал в медресе «Галия»!) и пишет свою первую работу «Об истории тюрков и татар», которая выйдет в 1912 году и станет во многом теоретическим обоснованием для политической деятельности Валидова. Понятно, что Карим Хакимов о такой карьере мог только мечтать!

И все же, все же... Неким общим моментом в их взглядах стало то, что уже на раннем этапе их жизненного пути они перестали считать следование исключительно по пути традиционного ислама главным и единственным условием решения земных проблем. А.-З. Валиди, будучи весьма глубоким знатоком ислама, первую книгу, как мы видим, посвятил проблемам общности исторической судьбы тюрков. Ислам в его исканиях правды выступал как один из «обручей», связывающих тюркские народы воедино, но не единственным... И впоследствии он в поисках своего «философского камня» кружил между пантюркизмом, пантуранизмом, панисламизмом и неоосманизмом, пытаясь найти путеводную звезду для тюркских народов...

Его взгляды в чем-то пересекались, а в чем-то расходились со взглядами других джадидов. Как пишет известный российский исследователь А.В. Логинов в своем глубоком исследовании «Евразия и ислам», «джадиды выступали за последовательное развитие мусульманской уммы с учетом достижений мировой (западной) цивилизации, но при условии обязательного сохранения российскими мусульманами своих исламских корней»²¹. Как показала политическая деятельность Ахмета-Заки, идя в русле этих устремлений, он пытался выйти на создание собственного, как сказали бы сейчас, геополитического проекта, отличного от более скромных планов других мыслителей этого направления. В конечном счете, его идеи тесно переплелись с идеями других панисламистов и пантюркистов (он сам не любил, когда его причисляли к пантюркистам), в том числе турецких.

Ирония же судьбы в том, что волею случая или предопределения они, повторимся, оба оказались, пусть и с разными целями, в Туркестане практически в одно и то же время... Хотя сроки пребывания А.-З. Валиди в Средней Азии были короче, чем у К. Хакимова, но стали весьма плодотворным периодом его жизни. Он усердно занимался там научными изысканиями, которые явно были направлены на исследование истории тюрков, но выводили его на литературные памятники, напрямую связанные с исламом. Неужели Аллах направлял его стопы в нужном направлении? А может, ему помогали сделавшие на него ставку определенные круги в Казани?

Его командировка в Ферганскую область с конца 1913 до марта 1914 года, когда он посетил Коканд, Маргилан, Андижан, Ташкент, Наманган, Самарканд, Бухару, Скобелев и другие города, оказалась весьма урожайной на находки. «Мне сопутствовала удача с самого начала», – напишет он в своих воспоминаниях²². Им была найдена рукопись «Благодатное знание», автором которой являлся Юсуф Хас-Хаджиб Баласагуни, приобретены ценные рукописи: «Книга Губайдуллы» Мир Мухаммеда Амина Бухари, «Книга Габдуллы» Хафиза бин Мухаммеда ал-Бухари, «Проявление могущества царей» Али бин Шихабуддина ал-Хамадани, «История Наршахи» Мухаммеда Наршахи ал-Булхари, «Ясные приложения» Джамала Карши, «История Шауки» Шауки, «Сады богатства» Агахи.

В той же поездке им были собраны разнообразные данные об экономике и истории этих земель, об узбеках, ведущих кочевой образ жизни. Это было блестящее и многообещающее начало научной карьеры. 20 апреля 1914 года А.-З. Валиди сделал доклад об итогах своих изысканий на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском универ-

²¹ Логинов А.В. Евразия и ислам. С. 19.

²² Валиди Тоған З. Воспоминания: В 2 кн. Кн. 1 / пер. с турецкого. Уфа: Китап, 1994. С. 136.

ситете. Позднее уже в Санкт-Петербурге он получил предложение опубликовать свои материалы в «Записках Восточного отделения Императорского Русского археологического общества».

По итогам поездки А.-З. Валиди получил предложение академиков Академии наук В.В. Бартольда, В.В. Радлова и К.Г. Залемана провести еще более масштабные изыскания по истории Средней Азии²³. Именно тогда он познакомился и подружился с будущим советским дипломатом Н.Т. Тюрякуловым, рассказ о котором впереди. «Особенно близкими из тех, с кем я познакомился в Туркестане, был мне Назир Туракул», – писал он в своих мемуарах²⁴.

Окрыленный своими успехами, при поддержке Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии и Императорской Академии наук А.-З. Валиди приезжает 6 июня 1914 года в Ташкент, затем в Наманган и Скобелев, попадает в Бухару, затем Шаршауз, а далее – в города долины Сурхандарьи. На обратном пути 16 июля 1914 года в Карши ему удалось приобрести уникальную рукопись, которая оказалась подстрочным переводом части Корана на тюркский язык, по некоторым данным, ее исходный текст относился к концу X века. А.-З. Валиди возвращается в Бухару, откуда 4 августа выезжает в Уфу. Всего в ходе своей поездки он собрал 23 рукописи! Выдающийся результат для совсем еще молодого ученого.

Можно говорить о том, что по форме его научные изыскания напоминали благословленные царской властью путешествия 1835 года ориенталиста Демезона, политического агента Яна Виткевича, миссию 1841 года горного инженера Бутенева, ориенталиста Ханыкова, натуралиста Лемана и других. Их участники издали ряд исторических и географических работ о Бухаре, как и А.-З. Валиди. Эти исследования направлялись волей царского правительства, которое в духе имперских традиций и начавшейся «Большой игры» с Великобританией за влияние в Центральной Азии хотело изучить присоединяемые к России территории, населенные тюркскими народами, исповедовавшими ислам. Ведь к 1910 году в Российской империи жило почти 20 млн. мусульман, практически как сегодня. Да и их процентное отношение к русским было приблизительно таким же, с учетом того, что в империи тогда проживало около 160 млн. человек.

Однако труды нашего ученого, по сути дела, были направлены не на изучение Туркестана как объекта вожделиний растущей империи, как, возможно, это воспринималось в Санкт-Петербурге, а на поиски общих духовных и исторических корней тюркских народов. Но это стало очевидно, в том числе и властям, намного позднее.

16 августа 1914 года через Самарканд, Ташкент, Оренбург и Уфу Валиди прибывает в город Стерлитамак.

Начавшаяся Первая мировая война прервала его изыскания... Он был даже на несколько дней забран в солдаты, но освобожден по указу царя не брать в армию учителей русского языка для нерусских школ, кем он незадолго до этого стал по совету академика Бартольда, сдав экзамены в Казани. Затем он отправился в Уфу, где и стал преподавать. Он лишь успевает опубликовать результаты своих изысканий в «Записках Восточного отделения Императорского Русского археологического общества» в 1915–1966 годах, а также в серии из девяти статей под общим названием «Туркестанские письма» в газете «Иль» («Страна») в 1913–1914 годах.

Лишь в 1915 году А.-З. Валиди в период своего учительства в Уфе познакомился с революционными идеями социал-демократов и эсеров, но к ним тогда не примкнул, в том числе не желая рисковать своей карьерой. Однако он начал формулировать свои политические взгляды, которые тогда сводились к уравниванию в правах русского и нерусского населения, запрету на передачу русским переселенцам земель местных кочевников и созданию системы народного

²³ Там же. С. 137.

²⁴ Там же. С. 138: «Работая в русском консульстве в Джидде, Назир опубликовал статьи о проблемах тюркских языков, остался верен своей национальной культуре и потому погиб в потоке репрессированных Советами людей».

образования. При этом глубинные убеждения толкали его к тому, чтобы вести борьбу против «русских колонизаторов»²⁵. Заигрывал он в тот период и с идеями «сибирской автономии», о чем мы расскажем позже в контексте судьбы К.А. Хакимова.

Настоящая политическая карьера А.-З. Валиди начнется только в конце 1915 года, когда он станет помощником депутата Государственной думы Кутлука Тевкелева, который влился во фракцию мусульман.

Блистательная карьера этого ученого и в дальнейшем общественного деятеля резко контрастировала с судьбой Карима Хакимова в эти годы, когда он, так же как его именитый земляк, путешествовал по землям Туркестана. Путешествовал – громко сказано. По сути дела, он скитался, бродяжничал, прибываясь то к одному, то к другому хозяину! Но эта школа жизни была не менее, а более важной для Карима, чем для Ахмета-Заки его поиски рукописей. За эти годы скитаний он выучил узбекский (тогда он назывался сартовским) и таджикский языки, познал нравы и обычаи народов Туркестана не из щегольской повозки, а из самой толщи народной жизни. Что лучше? Трудно сказать. Это был разный жизненный опыт, который вел этих людей к разным выводам о том, что делать им самим и чьи интересы защищать.

Но эти познания Кариму давались через тяжкие испытания. Прибыв весной 1911 года в Ташкент, он так и не смог найти хоть какую-то работу. Попытал счастья в Коканде, но и там его ждала неудача. Лишь в Канибадаме (Фергана, Кокандский уезд) ему, если можно так сказать, улыбнулась удача – он попал в каменноугольные копи Шураб простым чернорабочим. Считай – никем. Он был тогда на самом низу социальной лестницы, и ничто ему не светило. Положение было не лучше, а еще хуже, чем в Уфе и Оренбурге. Было от чего пасть духом. Наверное, он осознал весь ужас своего положения: большие способности, огромное желание учиться и развиваться – и полная беспросветность вокруг, причем в копиях она была физически ощутима. Ближе к аду места не было... Куда и как пробиваться к свету? С кайлом и лопатой? Ответов, как и прежде, не было, и вера в Аллаха ничего в его жизни не меняла.

По нынешней терминологии, социальные лифты не работали. Да их как системного явления и не было в царской России, которая была построена по сословному принципу, и все основные права, как политические, так и экономические, находились у дворянства, а главным сословием, которое извлекало прибыль из, как теперь сказали бы, рыночных реформ, были купцы, в том числе татары, и нарождавшаяся промышленная буржуазия. Наиболее мобильной стратой были разночинцы, сыгравшие большую роль в распространении революционных настроений в России. Пробриться наверх можно было через военную службу, но это в меньшей степени касалось инородцев. Ахмет-Заки Валиди мог, в свою очередь, рассчитывать как минимум на научную карьеру в качестве выходца из образованных кругов тогдашней мусульманской интеллигенции. Ни в одну из этих категорий Карим не попадал и близко.

Возможно, как живший за тысячу лет до этого некоторое время в тех местах (Бухара и Самарканд) великий персидский ученый, поэт и тоже вольнодумец Омар Хайям, Карим повторял про себя его строки:

*О небо, к подлцам щедра твоя рука:
Им – бани, мельницы и воды арыка;
А кто душою чист, тому лишь корка хлеба.
Такое небо – тьфу! – не стоит и плевка.*

Просветителем и человеком, который открыл для Карима (а ему шел всего лишь 21-й год) абсолютно новый, неведомый мир марксизма, не имеющий ничего общего с тем, что он знал ранее, стал польский «социалист-революционер», «старик», как называет его сам Карим, Кова-

²⁵ Там же. С. 160.

левский, отбывавший срок в Канибадаме на вольном поселении и взявший Хакимова к себе забойщиком в шахту²⁶. Наш герой в своей автобиографии очень скупо освещает этот период и даже не дает имени Ковалевского, уточнив лишь, что тот был членом Польской социалистической партии (ППС; Polska Partia Socjalistyczna).

Попробуем выдвинуть следующую гипотезу. Как известно, Польская социалистическая партия, основанная в 1893 году, выступала за независимую демократическую Польшу. При этом боролась за эти цели без координации с революционными силами России, Германии и Австро-Венгрии. От ППС в 1900 году откололась группа Л. Кульчицкого, взявшая название ППС – «Пролетариат». Она участвовала в первой русской революции, выступала за террористические методы борьбы, но была разгромлена царскими властями и в 1909 году прекратила свое существование. Возможно, Ковалевский был как раз из этого крыла партии. Однако более вероятен второй вариант – он был в рядах ППС – левица, которая стала большинством с 1906 года, когда ее сторонники исключили из своих рядов будущего главу польского государства Ю. Пилсудского и перешли на революционные интернационалистические позиции. На X съезде в Тешине в декабре 1907 и в январе 1908 года ППС – левица выступила за сотрудничество с российскими социалистами в деле свержения самодержавия.

В пользу второй версии, то есть того предположения, что Ковалевский был из левого крыла партии, говорит то, что во времена Первой мировой войны ППС – левица провозглашала пацифизм, который был близок тогда, как показало его поведение на начальном этапе Первой мировой войны, и Кариму Хакимову. Близки ему были и интернационалистические лозунги, что также укладывается в программные установки ППС – левица. Кроме того, в пользу того, что Ковалевский не принадлежал к ППС – «Пролетариат», говорит и то обстоятельство, что он, по свидетельству К. Хакимова, жил на вольном поселении, а это вряд ли власти позволили бы лицам, замешанным в терроризме. Неясность в этом вопросе остается, но точно известно – Ковалевский не был видным деятелем партии и среди ее руководства никогда не значился.

Судя по тем взглядам, которые затем Карим защищал, вернувшись из Туркестана в Оренбург, его представления о марксизме были на тот период достаточно прямолинейными и не привязанными к российским реалиям. Он, видимо, прочитал Манифест коммунистической партии, горячо и всем сердцем воспринял тезис, что у рабочих нет отечества. Это не противоречило в целом и учению ислама, основанному на том, что все члены уммы – братья, вне зависимости от того, где они живут. Скорее всего, Ковалевский ознакомил Хакимова и с основами политэкономии, в частности с теорией прибавочной стоимости и принципами ее перераспределения в пользу собственников средств производства. Учеба была недолгой – всего шесть месяцев, за которые, как признавался Хакимов, «Ковалевский стал моим учителем не только по заботу, но и в политике»²⁷.

Интересно, что позднее в одной из своих автобиографий Карим достаточно пренебрежительно отзывался о Ковалевском, отметив, что он был «беден научным багажом и порядочным лентяем», хотя ему и удалось создать отделение партии «эсеров среди рабочих Ферганы»²⁸.

Знакомство с Ковалевским стало для Хакимова и началом проблем с властями. Дерзкий и не всегда сдержанный по молодости и неопытности человек, он прямо высказывал свои взгляды, рубил, что называется, правду-матку прямо в глаза и полиции, и администрации. Поэтому попал под полицейский надзор и впервые в своей жизни был признан политически неблагонадежным. Заметим, что Третье охранное отделение работало хорошо и своевременно выявляло таких людей. Эта характеристика стоила Кариму работы, и он был вынужден уйти на станцию железной дороги Мельниково, где собирались все уволенные или находившиеся в

²⁶ Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 52.

²⁷ Там же. С. 52.

²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 146728, л. 14–15.

отпусках шахтеры, а затем вернуться к несколько позабытому им труду домашнего учителя в соседнем кишлаке Караяндаг. Затем, всего через четыре месяца, – первый арест с занесением информации об этом в паспорт и первая высылка в Коканд. Так стихийный бунтарь превращался во внесистемного оппозиционера, как сказали бы сегодня.

Такая рваная, бродяжническая жизнь, когда периоды полной безработицы перемежались временной работой то на шахтах, то в кишлаках у богатых хозяев, мало способствовала его укоренению где бы то ни было. Но его скитания усилили в нем ощущение, которое было чуждо Ахмету-Заки Валиди, что отечества у таких «босяков», как он, действительно нет. Он тогда был, что называется, перекасти-поле. Однако последовательным революционером-марксистом Карим Хакимов еще не стал. Не было для этого условий...

В своей автобиографии он сам признавал, что «серьезной политической работы среди шахтеров не было... “Революционная” работа шахтеров больше всего выражалась в терроризировании полицейских и в вызывающих отношениях с администрацией. Литературы не было, царил пьянка и картежная игра»²⁹.

Осенью 1913 года Карима призывают в армию, но далеко от тех мест, где он бродяжничал, он не оказывается. Его посылают рядовым в 7-й Туркестанский полк, расквартированный в городе Скобелеве (ныне Фергана). Там он сходитя с некими Ахмедом Сытдиковым и Саввой Моцковским, с ними создает нечто вроде социал-демократического кружка, который, правда, недолго просуществовал из-за отсутствия литературы и внешнего руководства.

Прямо надо сказать, у нас мало кто из историков интересовался настроениями в российских войсках накануне и в самом начале войны. Гораздо большее внимание уделялось тому, что в них происходило после Февральской революции. А они, эти настроения, в 1914 году, судя по всему, были очень разными в частях, сформированных из русских крестьян, которых было подавляющее большинство, и из «иноверцев», то есть из татар, башкир и представителей народов, которые жили в Туркестане или на Кавказе.

Если вспомнить предвоенные и военные настроения первого периода войны с «германцами», то они хорошо отражены в русской поэзии и произведениях русских авторов того периода. В 1913–1915 годах в русской и в целом православной среде преобладали патриотические и в основном шапкозакидательские настроения. Достаточно вспомнить стихотворения А. Блока, прежде всего «Скифы», и Н. Гумилева. Помните задорный призыв – «попробуйте, сразитесь с нами!»? Таков был общий настрой верхов, интеллигенции и в основной своей массе русского народа. Все надеялись на короткую и быструю победу над врагом. Пресса разжигала патриотические, а то и прямо шовинистические настроения.

Об этом ярко написал царский генерал Н.Н. Головин в своем фундаментальном труде «Россия в Первой мировой войне»:

«Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения.

Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа... Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов

²⁹ Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 53.

нашло свое выражение в слове “братушка”, которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ»³⁰.

Антимилитаристские взгляды в 1914–1915 годах были уделом маргиналов, прежде всего социал-демократов, и особенно большевиков, которые уже вскоре после начала военных действий выдвинули стоивший им тонн критики лозунг «поражения своего правительства в войне». Однако фактом остается то, что для большинства «иноверцев», в том числе мусульман, такие настроения были, скорее, преобладающими, что, как можно предположить, впоследствии отчасти обеспечило смычку части мусульманских низов с коммунистами.

Причин для этого было немало. В первую очередь, большую роль играла географическая удаленность европейского театра боевых действий от Волги, Урала и Центральной Азии. Для азиатских и кавказских народов, а также жителей Татарии и Башкирии европейские проблемы были очень далеки, а для узбеков, таджиков, казахов, туркмен – и подавно. О какой солидарности мусульман с православными сербами можно говорить?

Кроме того, неславянские народы, относительно недавно вошедшие в Российскую империю, не имели опыта войн с Западом. У них не было счетов ни с Францией, ни с Германией, ни с другими европейскими державами, образно говоря, не было исторических счетов с Наполеоном, а стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино» ничего им не говорило. Это в значительной степени объясняло их индифферентность к конфликту в Европе.

Это царская власть понимала и до 1916 года «иностранцев» из Туркестана, да и с Кавказа («Дикая дивизия» – исключение) на военную службу либо не призывала, либо призывала очень ограниченно, для службы в местных гарнизонах. Но и это вызывало огромные проблемы, а после начала призыва мусульман из Средней Азии в царскую армию там прокатилась волна антирусских восстаний, где на жестокость восставших власть ответила не менее жестко. Однако мусульмане из исторической части России на военную службу призывались с самого начала войны.

В случае с Хакимовым отстраненность от противостояния европейских наций дополнялась уже полученной им дозой марксистской пропаганды от Ковалевского, который ему, совершенно очевидно, говорил о том, что интересы «низов» и верхов Российской империи абсолютно не совпадают, что славянским и неславянским народам заваривающаяся в Европе каша совсем не нужна. К тому же сам Ковалевский не мог поддерживать войну, а тем более победу в ней России, которая планировала усилить свои геополитические позиции и однозначно не дала бы в этом случае Польше независимость.

Тогда, разумеется, Карим и понятия не имел о том, что именно итоги Первой мировой войны, развал и раздел Османской империи создадут широкий театр для политической стратегии будущего мощного государства, которое возникнет на обломках Российской империи и чьи интересы он будет защищать.

Поэтому у нашего героя те пацифистские и антимилиитаристские настроения, которые возобладали в России в 1916–1917 годах, имели место с самого начала, еще до начала мировой бойни, изменившей лицо мира. Он еще в 1914 году пытался заниматься антимилиитаристской пропагандой вместе со своими друзьями, которые с тех же шахт были призваны вместе с ним на военную службу и с которыми он образовал антивоенный кружок. Попытка создания этого мини-подполья была явно преждевременной и неудачной, говорила лишь о недостаточной политической зрелости Карима, который с горячностью молодого человека начал пропагандировать недавно усвоенные им марксистские тезисы. Деятельность их подпольного кружка царская охранка оценила и установила за ним пристальное наблюдение, которое уже не снимала до 1917 года. До последних дней своего существования она оставалась профессиональ-

³⁰ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939 (переиздано: Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014).

ной, но изменить вектор развития событий и решить социально-экономические и политические проблемы России не могла.

Для Карима с началом войны стала очевидна бесперспективность на том этапе пацифистской пропаганды, да и воевать он не хотел. Поэтому совсем не считал зазорным за взятку уже в самом начале войны, в сентябре 1914 года, купить себе «белый билет» (в одной из своих автобиографий К.А. Хакимов пишет, что это было в августе 1914 года)³¹. Здоровье – застарелая астма и подозрения на туберкулез – позволяло это сделать. По неизвестным нам причинам он решил вернуться на канибадамские шахты. Что он там искал, непонятно. Вряд ли он мог рассчитывать, что, официально признанный по фальшивым бумагам туберкулезным больным, он сможет устроиться на шахту работать. Может, его кто-то туда направил, и это было не его собственное решение? Скорее всего, он уже решил для себя начать новую жизнь пропагандиста-революционера. Но условий для этого в Канибадаме было еще меньше, чем в армии. Попытки молодого парня заняться антивоенной пропагандой были быстро пресечены властями еще до того, как он доехал до прежнего места работы: просидев трое суток под арестом на станции Серово, он под поручение письмоводителя был отпущен домой.

Так малообещающе, в отличие от поездки того же А.-З. Валиди, закончился для Хакимова его первый туркестанский «тур». По сути, он оказался у разбитого корыта: ни денег, ни работы, ни карьеры, ни даже членства в РСДРП к тому моменту у него не было. Не было и вообще никакого понимания, что делать дальше.

Его возвращение к себе в деревню было безрадостным. Он по-прежнему никто, и все пути к образованию, развитию для него закрыты. Да и его жажда справедливости не только не удовлетворена, но бессовестно попорана. Хозяева жизни нагло смеются ему в лицо. Никаких жизненных перспектив не просматривается. Одно утешение: в Дюсяново его встретили не только постаревшие родители, но и односельчане, которые стали на него смотреть как на уже достаточно опытного человека и интересоваться его мнением не только по бытовым, но и по политическим вопросам. Судя по воспоминаниям родственников, у крестьян этого далекого села тогда еще были живы надежды, что победа в войне побудит царя более щедро отнестись к земледельцам и выделить им землю.

Как писал Сергей Есенин в поэме «Анна Снегина» о тех же временах, передавая диалог крестьян с приехавшим к ним поэтом:

*«Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»
И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.*

Карим, уже столкнувшийся с крепкой хваткой российской охранки, к тому времени окончательно разочаровался во власти и иллюзии односельчан активно развенчивал. Но его таланты пропагандиста не могли его прокормить.

³¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 146728, л. 15.

Он вынужден был уехать на станцию Кувандык и снова стать чернорабочим. Его натура, не терпевшая несправедливости, вновь толкает его на организацию сопротивления властям. В сентябре 1915 года после невыплаты зарплаты рабочим он организует забастовку, которая через три дня заканчивается его арестом. Выручает брат Абдулла, заплативший за него полицейским. Но дальше оставаться в этом районе становится опасно...

О чем он думал тогда, на что надеялся? Ведь жизнь упорно, раз за разом доказывала ему, что ни его социальное положение, ни сама феодально-сословная система, лишь едва тронутая капиталистическими преобразованиями, не способны открыть перед ним хоть какие-то жизненные перспективы. Отсутствие организованного сопротивления режиму на том этапе однозначно обрекало его на дальнейшее прозябание.

Но нет, он по-прежнему не теряет бодрости духа, не унывает! Что было причиной этому: беспечность молодости? Или жившая в душе надежда, что справедливость для тех, кто находится на самом дне жизни, причем, по его убеждению, совершенно незаслуженно, должна все же восторжествовать?

Быть может, его настроения были созвучны мыслям древнего мудреца Омара Хайяма:

*«Мир громоздит такие горы зол!
Их вечный гнет над сердцем так тяжел!»
Но если б ты разрыл их! Сколько чудных,
Сияющих алмазов ты б нашел!»³²*

³² Хайям Омар. Рубайят /пер. И.И. Тхоржевского. М.: Дом славянской книги, 2016. С. 125.

Предреволюционные годы и томский рывок

Возможно, силы Кариму придавало то, что война вызвала к жизни новую, абсолютно невиданную динамику внутренних событий. Ущербность и уязвимость позиции властей становилась все очевиднее даже малограмотным людям, что бы сегодня ни говорили о быстром развитии России в те годы. Оно действительно было быстрым и, как часто бывает, дестабилизирующим. Стабильность и развитие не всегда уживаются. Конец крепостничества, капиталистическая модернизация Александра Второго и Александра Третьего, реформы Столыпина выкинули огромные массы населения в города. Малообразованные и лишившиеся привычной почвы, они легко становились добычей пропагандистов всех мастей, а социал-демократов – в первую очередь, поскольку именно крестьяне составили основную часть нового российского пролетариата, росшего как на дрожжах в условиях быстрого промышленного развития.

«Воспитание» рабочего класса было царскими властями поручено самим промышленникам, которые открывали ремесленные училища, строили общежития и больницы для рабочих, занимались благотворительностью. Но этого явно было недостаточно. Большевики, обладавшие разветвленной сетью подпольных кружков, опережали старомодных и зачастую наивных купцов и заводчиков (многие из них, особенно из староверов, представителей московского купечества, сочувствовали рабочему движению), организуя обучение рабочих основам революционной борьбы, издавая подпольную литературу и мастерски используя все промахи царской власти, которая, в отличие от промышленников, редко применяла «пряник», чаще используя привычный «кнут».

Редкое исключение – деятельность Императорского Православного Палестинского общества, которое (кроме решения внешнеполитических задач) активно продвигало в массы православное паломничество как один из инструментов сохранения господствующей идеологии и веры в мудрого и духовно связанного со святынями православия царя. Его начавшаяся в 1881 году плодотворная деятельность, проходившая под попечением царской семьи, была успешной, но опять-таки охватывала в основном верное православным устоям русское крестьянство, а не потерявших почву под ногами бывших хлебопашцев – новых русских пролетариев. А уж тем более его работа не могла затронуть чувства многомиллионного российского мусульманства.

* * *

Сегодня нам сложно объяснить, что побудило Карима двинуться в 1915 году в Томск. Но вполне очевидно, что его возвращение в родное село еще раз убедило его в полной бесперспективности деревенской жизни. Второй вывод, который тогда для себя сделал наш герой, – нет смысла возвращаться в Туркестан – его там никто не ждал, кроме жандармов, как и в Оренбург, который ничего ему особенно не дал... По натуре человек, не любящий сидеть на одном месте, он возможно, решил, что в Томске ему могут открыться некие новые перспективы, прежде всего в части получения образования.

Томск к тому времени уже триста лет находился в составе Российской империи. Территория, на которой он расположился, была присоединена к России еще в 1604 году по просьбе князя Тояна, возглавлявшего проживавших там эуштинских татар в целях защиты эуштинцев от набегов енисейских киргизов и калмыков (так гласит классическая, нефоменковская версия истории. По фоменковской теории Россия вела тогда борьбу с Тартарией). По приказу Бориса Годунова присланными им из Тобольска военными был основан город на берегу реки Томи, который стал крепостью, защищавшей местное население от нападений. После того как он потерял оборонительный статус, Томск долгое время находился на периферии внимания

царских властей. Длительное время остававшийся захолустьем, обойденный Транссибирской магистралью, он все же в первые полтора десятилетия XX века сильно вырос. И если Оренбург заслужил титул «Южной Пальмиры», то Томск стал достаточно известным культурным и образовательным центром в Сибири – «сибирскими Афинами», чему способствовало открытие в 1888 году Императорского Томского университета, а 1900 году первого в Сибири высшего технического учебного заведения – Технологического института (сейчас Томский политехнический университет). Об этом Карим с его тягой к знаниям мог тогда знать. Но еще больше его наверняка интересовала вторая мужская гимназия, которая открылась 1 июля 1913 года.

Кроме того, город уже тогда прослыл своим вольнодумством, в том числе и потому, что был одним из мест ссылки политзаключенных. С середины XIX века в Томске также развилась оригинальная ветвь русской национальной мысли – сибирское областничество, которое к моменту решения Карима приехать в Томск оформилось в нечто, что можно очень условно назвать «русским джадидизмом», хотя на деле это была, скорее, смесь народничества с либерализмом. Рассматривая сибиряков как некий особый вид русского народа, они видели в Сибири колонию, которая неудачно развивается по многим причинам (плохое управление, произвол чиновников и т. п.), и, как Исмаил-бей Гаспринский, считали, что одним из путей к развитию, наряду с автономией и самоуправлением, служит просвещение. Их неутомимая борьба за демократические свободы, а также в защиту «иностранцев», к которым относился и К. Хакимов, весьма способствовала тому, что Томск стал одним из центров образования и оригинальной политической мысли. Это также могло привлекать пытливого Карима.

Ну и, наконец, изначально в Томске была сильная татарская мусульманская община, не столько многочисленная, сколько влиятельная, и Карим вполне мог рассчитывать на то, что ему помогут. Может быть, он запасся какими-то рекомендациями. Собственно, так и вышло. Там богатыми татарами было образовано благотворительное Общество студентов-мусульман и Общество молодежи, которые оказывали помощь бедным студентам овладевать знаниями.

В силу своей бурлящей политической жизни и наличия интеллигентской среды, Томск превратился для Карима в школу в прямом и переносном смысле этого слова. Тут он получил возможность, благодаря Обществу студентов-мусульман и помощи одного добросердечного казаха, бывшего в ту пору студентом Технологического института, А. Ермакеева, подготовиться и сдать экзамены в упомянутой выше гимназии. Его таланты и упорство снова дали о себе знать. В мае 1917 года он сумел получить вожеленный «аттестат зрелости», в котором только по одному из предметов стоял прочерк – по Закону Божьему (!), да тройка по истории... Карим не смог ответить на вопрос «Когда жил Папа Римский Григорий VII?». Тот самый, который сказал: «Я любил правду и ненавидел ложь...» В архивах Томска, как пишет в своей диссертации Р.Ф. Хайретдинов, есть свидетельство об окончании 2-й Томской гимназии за № 534³³, но это опровергает утверждения другого русского исследователя – Г.Г. Косача, что подтвержденных данных об окончании К. Хакимовым гимназии якобы нет.

Этот факт говорит и о другом: Карим, в отличие от трех первых своих попыток, перестал искать исламское образование, пусть даже и в джадидистской упаковке. Ему нужно было полноценное светское образование. Джадидизм оказался для него чуждым явлением (в этом Г.Г. Косач абсолютно прав), что и подтвердили дальнейшие события.

Вторая, уже неформальная школа, которую он прошел в Томске, была для его будущего намного важнее. В Томске за два года общения и участия в общественно-политических мероприятиях, выборах разного уровня К. Хакимов сформировался как политический деятель и стал себя пробовать на политическом поприще. На этом пути были свои этапы.

³³ Хайретдинов Р.Ф. Карим Хакимов – революционер, дипломат: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Уфа, 2006. С. 48.

Студенческие кружки, в которые он попал для подготовки к сдаче экзаменов в гимназии, вовлекли его в обсуждение политических проблем. Под их влиянием, он из чистого пацифиста и антимилитариста мутировал в «пораженца». Но это было лишь началом его политической эволюции. Кроме татар-просветителей из числа мусульман, в городе были, как мы уже отметили, ссыльные по политическим статьям, сторонники сибирского областничества и социал-демократические кружки, в один из которых и попал Карим, скорее всего, как человек, уже «обработанный» еще Ковалевским марксистскими теориями. Хакимов прямо пишет в своей автобиографии, что в Томске он «столкнулся» с социал-демократами и некто Негматулло «взял руководство над моим политическим воспитанием. После прохождения определенного курса он представил меня социал-демократическому кружку, куда я был принят рядовым членом»³⁴.

При этом, судя по всему, Карим по духу оставался мусульманином, не терял связи со своей мусульманской общиной, мыслил себя как мусульманин. Этот феномен был широко распространен в России и нуждается в особом внимании. Значительная масса мусульман поддержала Октябрьскую революцию. Многие мусульмане сражались в мусульманских бригадах Красной армии. В их числе был и Карим Хакимов.

С чем это было связано? Думается, что многие мусульмане поддерживали свойственный большевистской революции первоначальный эгалитаризм, поскольку он по духу близок исламу, в котором все верующие – члены одной уммы и все они – братья, призванные помогать друг другу. Кроме того, мусульмане, как и социал-демократы, были, по сути дела, интернационалистами. В том смысле, что для тех и для других национальность или этническая принадлежность не имели большого значения, для обоих важна была вера – либо в марксистскую теорию и революционную роль рабочего класса, либо в Аллаха. Так крайности сходятся.

Примечателен один диалог, который у К. Хакимова состоялся со своим случайным знакомым гораздо позднее, в январе 1935 года, в Уфе. Это был сосед по дому Гайнан Амири, ставший впоследствии известным писателем. Он рассказывал, что Карим Абдрауфович, приехавший на побывку к сестре Магнии, однажды спросил его об идеалах нового поколения, и тот ответил: «Мы веруем в коммунизм, поклоняемся ему». Разговор шел на родном языке, и Гайнан употребил арабское слово «иман» – вера. Это ответ очень понравился Хакимову³⁵. Он внес лишь одну поправку – что в него мало верить, надо его знать...

При этом, хотя социал-демократы были атеистами, они на том этапе, до Октябрьского переворота, свой резко антирелигиозный настрой не включали в свои программы и никак не афишировали.

Сближало с коммунистами мусульман и то, что все-таки в России, где православие (тоже вроде бы интернациональное, но гораздо больше связанное с почвой и страной) было государственной религией, а ислам хотя и признавался, но находился все-таки в приниженном положении по отношению к православной вере. Да и в своем большинстве мусульмане в России, включая обширные районы Туркестана, были в самом низу социальной лестницы и перспектив в той социально-политической и экономической системе для себя не видели.

Как написал в своей фундаментальной исторической книге «От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке» выдающийся русский ученый, академик А.М. Васильев, «точек соприкосновения между политическими течениями с исламской окраской и... коммунизмом было гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд»³⁶.

Наш крупнейший знаток ислама и Саудовской Аравии отмечает, что ислам и коммунизм выступают антиподами западного политического либерализма. Обе идеологии подчи-

³⁴ АВП РФ. Из личного дела К.А. Хакимова. Л. 9.

³⁵ Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 47–48.

³⁶ Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. С. 173.

няют индивидуума коллективу, группе, общине, государству. Хотя, добавим от себя, ислам так и не решил проблему разграничения между исламской общиной – уммой – и государством, тогда как марксизм в первом приближении ее решил – через разграничение международного рабочего движения и национального рабочего класса. Подмечены А.М. Васильевым и другие аспекты, сближающие ислам и коммунизм, как, например, отношение к частной собственности. Коммунизм на ранних стадиях своего развития ее отрицал полностью, а ислам, в лице своих теоретиков, пытался ее ограничить. Именно по этим и другим вышеупомянутым основаниям у К. Хакимова, как и у многих других мусульман, идеи коммунизма, особенно на том этапе и вплоть до начала и даже середины тридцатых годов, не вызывали отторжения³⁷.

К несчастью для Карима Хакимова, его первые опыты в Томске как агитатора по продвижению социал-демократических идей среди местных мусульман успеха не имели. Как признавал сам Хакимов, он пытался это делать среди мусульманского студенчества, но высшее образование тогда было уделом состоятельной части общества, а потому социалисты на тот момент не имели успеха даже среди мусульман этого все-таки привилегированного слоя.

Можно сказать, что томский период жизни Карима все же следует обозначить со знаком плюс. За два года он успел получить вождеденный и давно чаемый им аттестат зрелости, приобрести новые знания о марксизме, получить первый опыт политической работы.

Поэтому и возвращение Оренбург в мае 1917 года было уже не таким горьким, как после его первого «захода» в Туркестан. Даже то, что он не смог вначале устроиться в Оренбурге и вынужден был пойти снова работать на станцию Кувандык Оренбургско-Троицкой железной дороги, а затем перебраться на станцию Ак-Булак Ташкентской железной дороги (он там стал счетоводом местного потребительского общества), не умерило его оптимизма.

Во многом этот оптимизм был связан с общим энтузиазмом и подъемом после Февральской революции, которую сейчас некоторые историки, и небезосновательно, считают продуктом сговора российских масонов и либералов с американскими финансовыми кругами. Этот энтузиазм хорошо выражен в стихах известного русского поэта Валерия Брюсова, учителя «сероглазого короля» русской поэзии Н. Гумилева, который писал в марте того же 1917 года:

*Освобожденная Россия —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости – жива!
Как много раз, в былые годы,
Мы различали властный зов:
Зов обновленья и свободы,
Стон-вызов будущих веков!
Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать...»
<...>
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...*

³⁷ Теоретически вопросы близости идей социальной справедливости в исламе и коммунизме рассмотрены также в работах известного французского марксиста Максима Родинсона «Ислам и капитализм» и др. Идеи близости ислама и коммунизма развивал оригинальный российский мыслитель Гейдар Джемаль. На другом идеологическом фланге существует множество работ, авторы которых доказывают обратное. К ним относится, например, французский исследователь Александр дель Валь, описывающий ислам как религию, наиболее близкую к иудаизму, который, в свою очередь, не ограничивает капиталистические отношения (хотя они существовали и до возникновения монотеистических религий).

*И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!..
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала, – наконец!*³⁸

Эти общие чувства ожидания какого-то обновления разделял и Карим. Многие надеялись тогда, что в стране установится демократия; война, как к этому времени считали многие, абсолютно бессмысленная, принесшая множество бед и несчастий, ставшая причиной гибели миллионов русских людей (по оценкам того же Н.Н. Головина, которого трудно заподозрить в предвзятости, – 7 млн. 917 тыс. человек, а по данным Военного отдела Центрального статистического управления СССР от 1925 года – 7 036 087)³⁹, наконец, закончится. Наверняка, думал Карим, отречение царя откроет новые горизонты для него и для его соотечественников, а для России – новые демократические перспективы.

³⁸ Брюсов В. Освобожденная Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://poemata.ru/poets/bryusov-valeriy/osvobozhdennaya-rossiya/>

³⁹ Цит. по: Залесский К. Потери русской армии в Первой мировой войне [Электронный ресурс]. URL: http://moskvam.ru/publications/publication_1204.html

Оренбург – начало настоящей политической карьеры

20 мая 1917 года Карим, обогащенный и окрыленный своими первыми, пусть и скромными успехами на политическом поприще (во многом благодаря ему в Томске на выборах в органы местного самоуправления победили большевики, которые шли в списке вместе с меньшевиками и эсерами), выбрав окончательно свое будущее и связав его с социал-демократией, перебирается в Оренбург из Томска. И вот здесь, в оренбургский период, он совершает фантастический взлет, за пару лет превратившись из молодого начинающего политика в матерого бойца, закаленного в боях и готового к любым схваткам с любым соперником.

Именно через него и его соратников пройдут ранее невиданные «высоковольтные» политические и идеологические битвы тех лет, эхо которых доносится сегодня и до нас. Это будут сражения за будущее, схватки между интернационалистами и националистами, в том числе сторонниками джадидизма, панисламистами и пантуранистами, адептами самобытного пути татарского и башкирского народов, и теми, кто не видел этот путь вне России или вне борьбы за мировую революцию. Именно тогда пролегли или были проложены глубочайшие межи и разломы не только между сторонниками буржуазного, либерально-демократического пути развития России и революционерами в рядах РСДРП, но и между самими социал-демократами, в рядах которых обозначились самые разные фракции и течения, вырабатывалось самое разное отношение марксизма к национальному и религиозному вопросам.

Карим Хакимов оказался в самой гуще этих событий, и ему пришлось либо сотрудничать, либо сражаться – в политическом и идейном смысле – практически со всеми известными носителями разнообразных национальных и интернациональных идейных воззрений, такими как М. Вахитов, А-З. Валиди, М. Султангалеев (Султан-Галиев), и косвенно вступать в полемику с самими Лениным и Сталиным, прежде всего по национальному вопросу, но и по религиозному тоже.

Причем тогда, на заре своей политической карьеры, он руководствовался простыми соображениями, основанными на Манифесте коммунистической партии, который как бы упразднял национальный вопрос, сводя основные противоречия эпохи к классовым, а вопросы религии оставлял в стороне, отводя ей роль «опиума для народа». Фактически следует признать, что основоположники марксизма (К. Маркс и Ф. Энгельс) теорией национального вопроса занимались мало. Это было связано с тем, что в ходе буржуазных революций XIX века национальный вопрос в целом в Европе был решен. Лишь Ф. Энгельс оставил несколько подзабытых работ, в том числе эссе «Демократический панславизм». Там он писал:

«Мы уже доказали, что подобные маленькие национальности, которые история уже в течение столетий влечет за собой против их собственной воли, неизбежно должны быть контрреволюционными и что вся их позиция в революции 1848 года действительно была контрреволюционной... Все они принадлежат к тем народам, которые либо, подобно южным славянам, по всему своему историческому положению неизбежно являются контрреволюционными, либо, подобно русским, еще далеки от революции и потому, по крайней мере пока, еще контрреволюционны... Мы повторяем: кроме поляков, русских и, самое большее, турецких славян, ни один славянский народ не имеет будущего по той простой причине, что у всех остальных славян отсутствуют необходимые исторические, географические, политические и промышленные условия самостоятельности и жизнеспособности. Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были

насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность»⁴⁰.

Мало шансов на то, что с этими трудами Ф. Энгельса Карим Хакимов, при всей его любви к самообразованию, был знаком.

На Западе национальную тему активно исследовала Роза Люксембург, а в России же из марксистов ею, если не брать в расчет Н.И. Бухарина, углубленно занимался фактически один только И.В. Сталин.

Что же касается «автора» Октябрьской революции и главного теоретика и практика марксизма в России В.И. Ленина, то он, конечно же, работы Ф. Энгельса, в которых пунктиром была намечена тема разделения «больших» и «малых» наций, как самый глубокий и последовательный марксист знал. Но они не давали ответа на вопросы, возникшие через 60 лет после их написания, особенно в отношении неславянских и вообще незападных национальностей, да еще мусульманских.

В самых общих чертах Ленин сформулировал свою позицию по национальному вопросу в 1903 году в одной из статей в газете «Искра» («Национальный вопрос в нашей программе»). В ней он защищал тезис социал-демократов (по сути буржуазный) о праве наций на самоопределение, зафиксированный в их программе от 1898 года, но подчеркивал, что «безусловное признание борьбы за самоопределение совсем не обязывает нас поддерживать любые требования национального самоопределения». Их реализация должна быть строго подчинена «интересам классовой борьбы пролетариата». В привязке к Польше Ленин утверждал, что ее независимость больше не может прийти от класса буржуазии, но может быть реализована только через социальную революцию. В других статьях по армянскому и еврейскому вопросу, а также в полемике с Розой Люксембург Ленин еще больше заузил свое отношение к национальному вопросу, указывая, что социал-демократы поддерживают не некое абстрактное право народов на самоопределение, а право пролетариата в каждой национальности. Если суммировать, то его основной тезис состоял на тот период в том, что «в каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание, направленное против угнетения».

При этом партия большевиков до революции в рамках этой линии выступала против федеративного устройства государства. Как отметил д.и.н. Ю. Булатов, позиция РСДРП определялась следующим образом:

1. «Федерация противоречила марксистскому учению о диктатуре пролетариата, ибо, согласно учению К. Маркса, оптимальным вариантом пролетарского государства являлось государство унитарное.

2. Федерализм ослаблял пролетарское движение, так как разводил рабочих по национальным квартирам вопреки лозунгу пролетарского интернационализма»⁴¹.

Лишь в 1914 году, анализируя итоги первой русской революции 1905 года, Ленин начинает признавать, что она породила целую волну национальных движений в Персии, Османской империи, Индии и Китае. При этом он исходил из того, что национальный вопрос в Европе в целом (за исключением Польши и Балкан) был решен буржуазными революциями 1789–1870 годов, тогда как на Востоке, куда он включал и значительную часть России, национальное пробуждение только началось. С этого момента он начинает размышлять о возможности альянса народных выступлений азиатской части России и народов Востока, что будет положено в основу стратегии советской России первых лет после Октябрьской революции.

Об отношении к исламу Ленин, так же как и основоположники марксизма, писал мало, за исключением его работы «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 году и вышедшей лишь после Февральской революции. В ней он подробно рассмотрел вопрос о

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/C.293-294>.

⁴¹ Булатов Ю. Федеративное устройство Российского государства // Международная жизнь. 2019. № 1. С. 52.

присоединении к России Центральной Азии. Там он упоминает о восстании в Андижане (территория нынешнего Узбекистана) 1898 года под началом предводителя суфийского братства накшбанди Мухаммеда Али Мадали Хальфа (Мадали-ишан), который после подавления царскими властями этого плохо организованного антиколониального выступления был повешен вместе с 18 своими соратниками. Ленин в этой коннотации впервые говорит о наличии панисламских движений, которые могут стать объединительными для различных национальностей в этом регионе мира, населенном практически одними только мусульманами.

Конкретно о Башкирии В.И. Ленин упоминал до революции всего лишь пару раз, впервые – в своей базовой теоретической работе «Развитие капитализма в России», где на примерах показывал, как русские купцы вырубали там леса и сгоняли с земель башкир, что он характеризовал как образец колониальной политики. О самих башкирах Ленин в своих статьях если и упоминал, то только в привязке к критике еврейской партии «Бунд»...

Трудно сказать, читал ли эти труды вождя мирового пролетариата Карим Хакимов. Скорее, думается, газету «Социал-демократ» (он пишет об этом в автобиографии) и газету «Правда», в которой они частично публиковались. Единственное свидетельство о его отношении к национальному вопросу на период до Октябрьского переворота можно найти в воспоминаниях его современников. Один из его знакомых, рабочий Хабиб Хасанов, говорил, что Карим, убеждая его учить русский язык в 1915 году, настаивал: «Без русского нельзя, мы живем в одной семье с великим русским народом. Живем и трудимся вместе... Без русских нам будет туго, брат»⁴².

Наверное, не будет преувеличением сказать, что он относился к русскому народу так, как значительная часть татарской и башкирской, в том числе джадидской, интеллигенции, к которой он вообще-то не принадлежал, но всегда стремился быть в ее рядах, главным образом, по уровню образованности. Уместно процитировать слова известного, или, как теперь бы сказали, «знакового», татарского поэта той эпохи Габдуллы Тукая, который был моложе Карима лишь на пять лет. Незадолго до своей смерти в 1913 году он написал такое стихотворение об отношениях двух народов:

*На русской земле проложили мы след,
Мы – чистое зеркало прожитых лет.
С народом России мы песни певали,
Есть общее в нашем быту и морали,
Один за другим проходили года, —
Шутили, трудились мы вместе всегда.
Вовеки нельзя нашу дружбу разбить,
Нанизаны мы на единую нить.
Как тигры, воюем, нам бремя не бремя,
Как кони, работаем в мирное время.
Мы – верные дети единой страны,
Ужели бесправными быть мы должны?*

Вряд ли Карим знал и даже подозревал о взглядах основоположника джадидизма в России Исмаил-бея Гаспринского, который в целом ряде своих работ («Русско-восточное соглашение», «Россия и Восток», Мусульманская политика России» и др.) обосновал концепцию сотрудничества русских и турков через православно-исламское взаимодействие. Но, находясь в тесном общении с джадидами еще со времен обучения в медресе «Галия», он мог пропитаться этими тогда широко распространенными взглядами на общность судеб русского народа

⁴² Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 10.

и тюркских народов России. Судя по всему, на этом соприкосновение взглядов К. Хакимова и джадидов заканчивается, их дорожки в будущем разойдутся навсегда.

Однако сшибки по национальным и религиозным вопросам случатся несколько позже. А пока, сразу после возвращения из Томска, наш герой, как мы отметили выше, жил на знакомой ему железнодорожной станции Кувандык, а затем и Ак-Булак, где работал простым счетоводом. Это можно считать большим шагом вперед, если соотносить с тем временем, когда он орудовал кайлом в коях Канибадама и Шураба.

Но тут Карим мыслит уже иными категориями: он не банальный бухгалтер, а профессиональный революционер (категория, впервые введенная в политическую практику В.И. Лениным, его *know-how*), агитатор, пропагандист, активно выступающий за ленинскую линию на социалистическую революцию, провозглашенную вождем пролетариата в апреле 1917 года. Он читает большевистскую литературу, встает на позиции большевиков по рабочему и по аграрному вопросам и по отношению к войне, переводит на башкирский язык программу и Устав партии большевиков. Часто выступает в прессе под псевдонимами «Безработный», «Богатырь» (!) и другими. Напомним, что большевики выступали тогда за поражение своего правительства в войне и превращение «империалистической войны в гражданскую».

Карима ничто не отвлекает от его революционной работы. Он молод, холост, не имеет никакого движимого или недвижимого имущества и по положению своему – чистый пролетарий. Ему действительно нечего терять, и революционная работа становится смыслом его жизни.

Но он не был сухарем-фанатиком. Он успевает интересоваться новостями культуры, сходится с молодым татарским поэтом и драматургом Мирхайдаром Файзулиным, который как раз добился тогда постановки в Оренбургском театре своей романтической пьесы «Сагад-бану», которая позднее была переименована в «Галиябану» и идет до сих пор в театрах Казани и Уфы. Более того, Карим успевает приобщиться к театральному искусству и сыграть в этой пьесе, своего рода национальном варианте «Ромео и Джульетты»!

Тогда он часто посещал городскую общественную библиотеку-читальню, где проходили митинги, собрания, сходки татарских и башкирских рабочих, солдат, интеллигенции и учащейся молодежи. В городе после Февральской революции было не менее дюжины политических группировок – от монархистов до анархистов.

Как утверждал тогдашний его знакомый Гариф Алпаров, Хакимов был очень инициативным: организовывал кружки, курсы для подготовки кадров из среды татарской и башкирской интеллигенции и молодежи. При выборах в Учредительное собрание голосовал за список большевиков.

Бурные события октября-ноября 1917 года – фактически безвольная, если не сказать добровольная, сдача Временным правительством власти большевикам, разгон Учредительного собрания – кого угодно могли повергнуть в смятение. Ведь сам Ленин еще в сентябре 1917 года в известной работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» не верил в скорую победу провозглашенной им самой социалистической революции и фактически «бросал круг» (хотя и не без издевки) Временному правительству, предлагал ему некоторые меры для улучшения экономического положения страны, несмотря на то что слабо верил в его дееспособность и больше «троллил», как сказали бы теперь, чем советовал. Сам Карим, хотя и был уже сторонником большевиков, к тому времени, судя по всему, еще уповал на демократический переход власти и впервые за долгое время растерялся. Но его растерянность продолжалась недолго. Скорее всего, «старшие товарищи» ему популярно разъяснили «гнилость» буржуазного парламентаризма (пустой говорильни, по словам В.И. Ленина) и превосходство Советов как демократического механизма управления. Да и некоторые формальные основания так рассуждать у большевиков имелись. Ведь Учредительное собрание отказалось признавать советскую власть, что было предложено сделать Я.М. Свердловым на первом же заседании, после чего эсеры и

большевики, имевшие в нем большинство, его покинули, лишив кворума и, соответственно, большой доли легитимности. Свою же легитимность они вели от II съезда Советов. Карим принял эту логику.

Он решает перебраться жить в Оренбург, где до этого бывал наездами, и начинает действовать. Власть в Оренбурге большевики еще не взяли. Она на тот период была в руках казачьего атамана А.И. Дутова, кстати сына одного из офицеров, участвовавшего в туркестанских походах и присоединении Центральной Азии, которая была близка и Кариму... Атаман был чрезвычайно популярной фигурой в казачьей среде, в местных казачьих станицах, успешным и прославленным боевым офицером Первой мировой. О его авторитете говорил тот факт, что 1 июня 1917 года он был избран председателем второго казачьего съезда в Петрограде, а в сентябре – уже атаманом Оренбургского казачьего войска (его мать была из Оренбурга).

Он прибыл в Оренбург на следующий день после Октябрьского переворота и тут же издал приказ о непризнании нового правительства. Всю полноту государственной власти взял на себя. При этом он опирался на казаков, которые составляли значительную часть населения губернии. Он не был монархистом (хотя, например, А.-З. Валиди считал его таковым), но тяжело переживал распад Великой империи. В большевиках, да и в башкирских националистах, он видел исключительно западных агентов-провокаторов (так до сих пор считают и некоторые наши историки) и «инородцев», при всяком удобном случае цитируя настоящие, а не партийные имена ряда большевистских вождей. Он тогда, конечно же, не знал, что большевистскую революцию поддержало, по разным данным, от 60 до 70 % офицеров царского Генштаба, его боевых товарищей по Первой мировой, которые, включая знаменитого генерала Брусилова, активно помогали большевикам создавать новую, рабоче-крестьянскую, армию! В РККА служили 14 тыс. «бывших» белых офицеров, в том числе 746 подполковников, 980 полковников, 775 генералов. А еще был Генштаб Императорского флота, который полностью перешел на сторону большевиков. Правда, этого не случилось с Министерством иностранных дел, которое в полном составе ушло в отставку. Фактически Г.В. Чичерин, да еще пять–шесть сотрудников внешнеполитического ведомства были чуть ли не единственными кадровыми дипломатами, перешедшими на сторону советской власти.

Однако атамана Дутова волновал больше процент иноверцев среди революционеров...

Многие тогда действительно подмечали высокий процент «иноверцев» в рядах большевиков, но никто не хотел вспоминать черносотенные погромы конца XIX – начала XX века, потрясшие Российскую империю и вынудившие более 2 млн. евреев из 4–4,5 млн. покинуть ее пределы⁴³. Данные, кстати, сопоставимы с количеством тех, кто выехал из России в результате Октябрьской революции и Гражданской войны, но об этом мало вспоминают. Естественно, что практика погромов 1903–1905 годов⁴⁴ и «черта оседлости», которая вводила жесткие рестрикции на передвижение и образование евреев, никак не поощряли их, особенно молодежь, верой и правдой служить царскому престолу – скорее, желать смерти самодержавию. Сделанные царским режимом послабления в режиме их жизни в России в начале века их не убедили. В этом непримиримом отношении к царизму они находили поддержку и со стороны ненавидевших царскую Россию «за антисемитизм» богатых евреев за рубежом, таких как Яков (Джейкоб) Шифф, финансировавший Японию в Русско-японской войне 1904–1905 годов, а впоследствии закачавший при участии Генри Форда, Роберта Доллара и Чарльза Крейна (создателей YMCA – «Ассоциация молодых христиан») много средств в «иудушку» Л.Д. Троцкого. Хотя затем на службе Временному правительству евреи находились и были даже в числе тех, кто защищал Зимний в Октябре 1917 года.

⁴³ Une si longue silence // Politis/Orient XXI. Paris, octobre-novembre 2018. P. 7.

⁴⁴ По разным источникам, от 1,98 млн. до 2,4 млн. евреев, покинувших Российскую империю за период с 1881 по 1914 год.

В этом контексте Л.Д. Троцкий был, конечно же, самостоятельной фигурой со своими планами, который пытался задействовать внешний фактор для их реализации. Как говорил Ленин, «империалисты сами дадут нам веревку, на которой мы их повесим». Однако им (Троцким) попытались воспользоваться как посланцем тех формировавшихся в конце XIX – начале XX века, но еще не набравших потенциал глобалистских сил, вызревавших в недрах англосаксонских элит. Яков Шифф, в свою очередь, был связующим звеном между созданным в 1910 году мозговым центром финансовых элит «Круглый стол», выступавшим наследником и преемником многовековой эзотерической элитарной традиции и Уолл-стрит⁴⁵. Помощь Троцкому была не просто проявлением ненависти к царской России, но частью плана этих элит по переустройству мира, развалу не только Российской, но и других империй для утверждения господства транснациональных сил англосаксонского мира, для осуществления, как задумывал это один из духовных отцов глобализма Сесил Родс, «предназначения англосаксонской расы».

С помощью Л.Д. Троцкого и его пособников планировалось нанести удар по основным опорам Российской империи – православию, дворянству, казачеству, короче всему, на что опирался российский монарх, которого бессудно казнили в июле 1918 года, по-видимому, представители тех же сил. Во всяком случае, царствующая семья в Лондоне, как известно, могла, но не стала спасать своего родственника Николая Второго... (Ради справедливости заметим, что в русской истории царей и их отпрысков убивали регулярно и до Октябрьского переворота.)

В среде Белой армии, кстати, хорошо понимали роль Троцкого в разжигании гражданской войны в России. Об этом говорит, в частности, одна из первых статей великого русского писателя М.А. Булгакова, опубликованная в газете «Грозный» 13 (26) ноября 1919 года, издававшейся Деникиным: «Но придется много драться, много пролить крови, потому что, пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба».

В России роли Великобритании и США в поддержке этой части революционного движения в России уделяют, как представляется, недостаточно внимания. Многие публицисты и историки занимаются весьма сомнительной версией «немецкого следа», хотя «перевалочным пунктом» для революционеров долгое время был Лондон (во второй половине XX века он стал прибежищем исламистов), где проходили их съезды и формировались подходы к решению российских проблем, а финансирование леворадикального крыла, прежде всего Л.Д. Троцкого и его последователей, как мы упомянули, шло преимущественно из США.

Кариму Хакимову и российским мусульманам эти планы создания «глобальной Британской империи» за счет в том числе и России, использования для этого коммунистической идеологии, естественно, были неизвестны. Евреи были для них такими же угнетаемыми народностями, как и все остальные – башкиры, татары, мордва, коми и черемисы, и поэтому они их воспринимали как братьев по борьбе с царизмом и никогда разницы между ними и собой, по крайней мере в своей коммунистической среде, не делали.

Антисемитские и другие упрощенческие версии Октябрьской революции успешно дожили до наших дней. Видимая простота таких исторических конструкций (во всем виноваты евреи, немцы, англичане и вообще внешние силы, а внутренняя власть – агнец на заклание) позволяет многим историкам, высвечивая отдельные и действительно существовавшие элементы общей картины, показывая реальную роль тайных внешних сил (а она была велика, и недооценивать ее нельзя)⁴⁶, уклоняться, порой произвольно, от ответа на ключевые вопросы внутренней жизни страны, избегать разбора истоков глубочайшего противостояния и раскола

⁴⁵ Четверикова О.Н. Теневая история Евросоюза: планы, механизмы, результаты // De Aegnitate/ О тайне. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. С. 359–360.

⁴⁶ Подробнее о роли тайных внешних сил см. сборники: De conspiratione/ О заговоре. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014; De Secreto/ О секрете. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017; De Personis/ О личностях: в 2 т. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019.

внутри самого российского общества. А оно, думается, возникло задолго до появления на политической арене большевиков, возможно, за сотни лет до этого, со времен Никонианской реформы, гонений Петра Первого против староверов, конфликта между иосифлянами и нестяжателями. Смелости говорить правду хватило у великих писателей того времени – М. Шолохова, А. Толстого, И. Бунина, М. Булгакова и других, в произведениях которых истины больше, чем в иных исторических исследованиях. Может быть, потому, что события той поры пропущены ими через душу и сердце?

В любом случае внешние силы играли на реально существовавших противоречиях в России и только за счет внешнего заговора развалить страну вряд ли было бы возможно... Но он, разумеется, свою роль в какой-то мере сыграл.

Программа А.И. Дутова была ярко антибольшевистской и нацеленной на восстановление власти Временного правительства, которое – и это была основная слабость его тезисов – само уже от нее отказалось, буквально бросив ее под ноги большевикам! Главным демократическим элементом плана А.И. Дутова было удержание власти, проведение выборов в Учредительное собрание с последующей передачей власти этому органу. Хотя неясно, всегда ли он подчинялся впоследствии КОМУЧу (Комитет членов Всероссийского учредительного собрания; 8 июня – 8 сентября 1918 года), а в дальнейшем – Уфимской директории, просуществовавшей до ноября 1918 года?

И поначалу, примерно до середины декабря того же 1917 года, ему все благоприятствовало. А.И. Дутов удерживал стратегический район на перекрестке европейской части России, Сибири и Туркестана, через который проходили важнейшие транспортные артерии. Большевики, приехавших из Петрограда, он арестовал, а местные пробольшевистски настроенные солдатские массы Оренбургского гарнизона разогнал. Казалось бы, удача ему сопутствует. Но ветры истории дули не в его паруса...

Его попытки мобилизовать казаков в декабре 1917 года не дали результата, потому что усталость от кровавой войны, ведущейся, особенно после отречения (вольного или вынужденного) царя, с непонятными для народа целями, была всеобщей, и никто не хотел снова браться за оружие. У А.И. Дутова было не более 2 тыс. штыков... Рабочие же активно препятствовали его деятельности, как потом и правительству КОМУЧа, и Уфимской (Омской) директории...

Начинается драматическое и трагическое противостояние новой и старой России, где все были по-своему правы и неправы одновременно, сражались за свои идеалы. Причем реальная картина, думается, была далека от той черно-белой, которую часто рисуют сторонники прежней России, с одной стороны, и большевиков – с другой. В ней было много других красок, оттенков и приводящих факторов, чрезвычайно важными из которых, как мы постараемся показать ниже, были вновь обозначившийся после Февральской революции национальный и религиозный аспекты развития России.

Именно февраль, когда была утрачена легитимность верховной власти, а не октябрь 1917 года, сыграл решающую роль в пробуждении или даже, скорее, выходе на поверхность национальных и религиозных движений, которые жестко подавлялись в Российской империи, а теперь стали рвать ее на части. Признаки приближающейся катастрофы появились еще в начале века, и особенно после трагедии 9 января, революции 1905 года и последовавших за ней реформ, которые позволили в том числе проявить себя национальным силам. Во многих регионах России образовались национальные партии, ставшие требовать федеративного устройства страны, несовместимого с монархией. Это и армянская «Дашнакцутюн», и азербайджанская «Мусават», и Белорусская социалистическая громада, и Украинская партия социалистов-революционеров и т. п.

Надо признать, что большевики, зачастую ставя себе на службу таких людей, как Карим Хакимов, М. Вахитов, М. Султангалеев и др., сумели эти национально-религиозные факторы в период борьбы за власть и Гражданской войны использовать успешнее, чем настроенные про-

тив «инородцев» и против всяких идей федерализма монархисты, и эффективнее, чем сторонники демократического пути развития и созыва Учредительного собрания. Причем последние мощь и влияние национально-религиозного компонента, думается, просто просмотрели, упоывая на общедемократический порыв после февраля. Временное правительство и политические силы, его поддерживавшие, сделали, как и монархисты, ставку на «единую и неделимую Россию», соглашаясь лишь на культурную автономию для национальных районов. И поэтому в этом аспекте их поражение вряд ли можно свести лишь к непреклонности и жестокости большевистских лидеров, «железной поступи» батальонов пролетариата.

Что касается религии, то, как известно, закон о свободе совести, формально уравнивающий в правах представителей всех религий (при этом примат Русской православной церкви, ее юридические и имущественные права еще не были поставлены под вопрос), был принят Временным правительством только в июле 1917 года, на 12 лет позже, чем это было сделано, скажем, во Франции.

В конкретном случае с Оренбургом, там при власти А.И. Дутова продолжал полулегально действовать Военно-революционный комитет во главе с С.М. Цвиллингом, в него и влился Карим Хакимов, сойдясь, естественно, со своими единомышленниками, которыми тогда оказались М. Тагиров, К. Хайруллин, С. Мустафин, Ш. Сакаев. При этом состав Совета был чрезвычайно пестрым: в него входили и представители татарской буржуазии, и солдаты, и просто оказавшийся политически активным местный люд.

Военно-революционный комитет, в свою очередь, создал Мусульманский военно-революционный комитет, который затем был преобразован в Губернский мусульманский комиссариат при Оренбургском губисполкоме. Во главе мусульманского комитета встал Багау Нариманов, а Карим Хакимов был избран его членом.

Тут надо сказать, что ни в царской армии, ни в армии Временного правительства никакие подразделения на национальной и религиозной основе не создавались. Вплоть до лета 1917 года и большевики как последовательные интернационалисты тоже отказывались от создания в армии обособленных по национальному и религиозному признаку структур. Но сама жизнь подсказывала другие решения. В Поволжье и на Урале на фоне растущего безвластия и идеологической неразберихи стали стихийно появляться и самоорганизовываться мусульманские советы и батальоны. Первый из них возник в Екатеринбурге, но такие же появлялись во многих городах, в том числе и в Оренбурге.

Развивалась и социально-политическая активность российских мусульман. В мае 1917 года в Москве прошел организованный социалистами-меньшевиками I Всероссийский съезд мусульман, на котором по инициативе азербайджанской делегации была принята резолюция, в которой отмечалось, что их интересам отвечает создание федеративной республики, основанной на территориальных автономиях. В работе съезда активное участие принял и наш старый знакомый – А.-З. Валиди, который с 1915 года от научной работы перешел к общественно-политической: был избран помощником депутата. Именно он вместе с другими своими единомышленниками продвигал на съезде такую – федеративную – конструкцию нового государства на обломках Российской империи, причем вопреки очень сильному сопротивлению со стороны тех, кто на съезде выступал за сохранение фактически унитарного государства. Таких среди мусульман было много, особенно среди членов партии кадетов. Но решение было принято в пользу варианта, продвигавшегося А.-З. Валиди (за – 446, против – 271 голосов).

Таким образом, была разорвана историческая связь с самым первым съездом мусульман, прошедшим нелегально еще в 1905 году в Нижнем Новгороде, на борту курсировавшего по Волге парохода, и духовно окормлявшимся Исмаил-беем Гаспринским, который выступал за объединение русских и мусульман под властью конституционной монархии при сохранении и развитии их национальной и религиозной идентичности, а не за их обособление. В 1917 году не получилось духовного союза нового объединения российских мусульман с последователями

созданной тогда Гаспринским партией «Иттифак аль-Муслимин» («Соглашение мусульман» в переводе с арабского), которая была лояльна российской власти, но просуществовала лишь до 1907 года. Руководящим органом мусульман в 1917 году стал другой орган – Милли Шура, активно поддерживавший Временное правительство и его курс на «войну до победного конца». Несмотря на этот верноподданический лозунг, в воздухе запахло сепаратизмом и попытками отделения населенных мусульманами регионов от России, хотя этих слов никто не произносил. Эти ощущения, однако, у многих усилились после состоявшегося в Казани в июле этого грозного года II Всероссийского съезда мусульман.

И дело было не в решении преобразовать ОМДС в Центральное духовное управление мусульман внутренней России, Сибири и Казахской степи (ЦДУМ), а в декларации от 22 июля 1917 года. Принятая на объединенном заседании с I Всероссийским мусульманским военным съездом и Всероссийским съездом духовенства, она постулировала создание национально-культурной автономии тюрков и татар. Участники съездов приступили к формированию исполнительных и законодательных органов будущего «штата», а по сути – государства Идель-Урал, который должны были сформировать из состава Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний. Дело явно шло к оформлению государственного обособления российских мусульман и их эвентуального выхода из состава России, что шло вразрез с настроениями очень многих политических сил, включая большевиков.

Этим мечтам и планам не дано было осуществиться. Большевики после захвата власти 25 октября (7 ноября) 1917 года уже менее чем через месяц обозначили свою позицию по исламскому вопросу и перехватили политическую инициативу у сторонников А.-З. Валиди. В обращении председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина и народного комиссара по делам национальностей И.В. Сталина от 20 ноября (3 декабря) того же года «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» было заявлено:

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это»⁴⁷.

Эти решения, соавтором которых был М. Вахитов, о котором мы еще упомянем, не были спонтанными, они основывались на теоретических выводах В.И. Ленина о праве российских народов на самоопределение, развитых им в вышеупомянутых работах 1903 года. Причем, повторимся, уже тогда он отмечал, что право на самоопределение не означает автоматически право на отделение, что не всеми понималось и разделялось даже в партии большевиков.

По указанию Ленина в адрес российских мусульман тогда был сделан ряд символических, но весьма важных жестов, в том числе в феврале 1918 года им был передан комплекс зданий и национально-религиозный символ Караван-сарай в Оренбурге, практически сразу после установления там советской власти. Это культовое здание было отобрано у башкир еще в 1865 году губернатором Кржыжановским «под правительственные нужды».

Ленин лишь на несколько месяцев опередил американского президента Вудро Вильсона, который 8 января 1918 года сформулировал свои знаменитые «14 пунктов» в послании Конгрессу, сильно перекликавшиеся с идеями вождя пролетариата как в части отказа от секретных соглашений, так и в части деколонизации бывших империй, включая Российскую (пункты V и VI). Кстати, он предлагал обеспечить новой России (читай: советской) «искренний радушный

⁴⁷ Декреты советской власти: [сборник] / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1.

прием в общество свободных государств при свободном выборе ею политической системы». Были и такие времена!

В конечном счете провозглашенный Лениным, а затем Вудро Вильсоном принцип права наций на самоопределение лег в основу Версальского мира⁴⁸, а после Второй мировой войны вошел в Устав ООН и продолжает донныне оставаться одной из несущих опор мирового порядка⁴⁹.

Оренбург же в те бурные месяцы жил своей жизнью. В конце ноября 1917 года в не затронутом репрессиями атамана, хотя и не разрешенном им Мусульманском военно-революционном комитете Оренбурга, состоялось обсуждение вопроса об определении позиции мусульман в отношении власти А.И. Дутова. Карим, ведший тогда полулегальное существование, твердо выступил против признания притязаний атамана и за то, чтобы не дать А.И. Дутову «ни одного мусульманского солдата»⁵⁰.

Еще одно свидетельство начавшейся на фоне развивавшегося процесса самоопределения российских мусульман бурной политической активности Хакимова – его участие осенью 1917 года в памятном митинге солдат – татар и башкир, инициированном Милли Шуро, который прошел в историческом здании Караван-сарая. Тема митинга была более чем животрепещущей для того момента – с кем идти. Лозунги «Война до победного конца» и «За автономию» организаторов стоявшего на позиции федерализма Милли Шуро, уже терявшего популярность на фоне создания большевиками Мусульманского комиссариата под руководством М. Вахитова, особой популярностью не пользовались. Хакимов выступил с большевистских позиций и, хотя поначалу был в меньшинстве, перетянул на свою сторону солдат. Это было одно из первых свидетельств его мощного таланта пропагандиста и обладания, как теперь бы сказали, харизматическими качествами, которые позволяли ему вести массы за собой. Иными словами, несмотря на власть А.И. Дутова, Карим уже не прячется, а выступает, что называется, «с открытым забралом», причем явно идет против тех, кто выдвигает на первый план не социальные, а национальные задачи. Контуры его позиций четко определены: за прекращение войны, против выдвижения задач строительства национального государства татаро-тюрков, курс на поддержку власти большевиков.

Падение власти Дутова в конце января 1918 года (18 января по ст. стилю) и вступление советских войск под командованием В.К. Блюхера в Оренбург – отчасти результат активности Карима Хакимова и его друзей по большевистской партии, которые, фигурально выражаясь, ударили в тыл дутовцам, когда красноармейцы подходили к Оренбургу, главным образом действуя разлагающе на оставшихся в рядах атамана мусульман. Дутов вынужден был отступить в Верхнеуральск.

В апреле 1918 года созданные на вышеупомянутом II съезде российских мусульман органы управления будущего мусульманского штата Идель-Урал были распущены после взятия Красной армией Казани и Уфы. Это показало границы возможных тактических союзов большевиков и сторонников национальной автономии среди мусульман, наиболее активными из которых были джадиды, в том числе и А.-З. Валиди. Хотя и советская власть, и адепты Валиди сходились в общей ненависти к сторонникам жесткой линии в исламе – кадимистам, выступившим на стороне Белого движения, и вместе участвовали в репрессиях против них.

⁴⁸ Сенат США отказался от ратификации Версальского договора.

⁴⁹ США были не вполне искренни, продвигая принципы самоопределения. Вашингтон был не против, чтобы получить мандат опеки по соглашениям Сайкса – Пико. Незадолго до провозглашения 14 принципов в Исследовательском бюро полковника Хауза рассматривался проект американской опеки над Ираком, как свидетельствует «Архив полковника Хауза» (Т. IV. М.: Госполитиздат, 1944. С. 221–222). Об этом же писал в своих мемуарах Ллойд Джордж – «Правда о мирных переговорах», где он сообщал, что Вильсон принял предложение о мандате на Армению и Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы, Мраморное море и небольшую прилегающую территорию «от имени США, при условии одобрения сенатом». См.: Hollingworth C. The Arabs and the West. London, 1952. P. 7.

⁵⁰ Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 54.

С этого момента Карим Хакимов разворачивает свою активность во всю ширь. Он ездит по окрестным деревням и селам и устанавливает советскую власть, то есть находится в самых первых рядах местных большевиков. Он был среди тех, кто стремился делать это силой убеждения, хотя в Оренбурге были и такие лихие товарищи, которые силой загоняли башкирские деревни в советскую власть, что порой сопровождалось насилием и грабежами. Имели место и убийства православных священников. Карим был против этого. Вскоре после ухода войск А.И. Дутова он выезжает с друзьями (Шамилем Усмановым) из Оренбурга и проезжает через станции Краснохолмскую, казачий поселок Филипповка, Линевку, затем Ново-Илецк. Иногда энтузиасты блуждали. Им помогали местные жители. Останавливались К. Хакимов и Ш. Усманов в домах самых бедных крестьян. Собирали сельские сходы, выступали, создавали сельские ревкомы. Ставка была сделана на самую бедную и обездоленную часть населения. Беднота за ним шла. Ладно скроенный, немного рябоватый, но с обаятельной улыбкой и умеющий общаться, с печатью «своего в доску», он внушал доверие и воспринимался как человек из народа. Выросший в крестьянской и обтершийся в рабочей среде, он со всеми умел находить общий язык, приспособливая лозунги большевиков к местной религиозной и национальной специфике. Карим не боялся дискуссий, смело шел на столкновения со своими идеологическими противниками, искренне считая, что историческая правда на его стороне.

В условиях начинавшейся гражданской войны радикализация и поляризация политических сил происходили чрезвычайно быстро. В январе 1918 года местными коммунистами закрываются газеты «Шуро» и «Вақыт», журнал «Дин вэ мәгішет», выражавшие интересы местной мусульманской интеллигенции и зажиточного слоя купцов и предпринимателей. Попытка местного писателя Ф. Каримова сблизиться с властями и издавать «Янги Вақыт» («Новое время») была решительно пресечена К. Хакимовым⁵¹. Новые власти проводят национализацию местных типографий и начинают печатать свои издания – «Оренбургский коммунар», «Мухбир», «Башкортостан».

Но надо признать, что Карим Хакимов, как и его большевистские начальники в Оренбурге, не доводил дело до таких мрачных явлений, как «расказачивание», что имело место на Дону и сопровождалось массовыми казнями казаков; преследования и репрессии против религиозных деятелей Русской православной церкви, чем большевики отметились в Центральной части России; массовые расстрелы русского офицерства в Крыму.

Карим направляет свою энергию в другое русло: активно выступает за реформирование и роспуск обновленческих (иными словами, джадидских) школ типа знаменитого медресе «Хусайния» и замену их «институтами народного образования». Косач обвиняет Хакимова в этой связи в разрушении единого пространства тюрко-мусульманской культуры. Однако это не совсем так. Да, Карим Хакимов разрушал специфическое единое образовательное пространство тюрков, но при этом он создавал и нечто новое. Он создавал вместо сословного тоже единое, но светское образовательное пространство, которое позволило бы дать разностороннее образование всем слоям общества, всем национальностям, представителям всех конфессий, а не только избранным, без различия пола, возраста и вероисповедания. В условиях многонационального и многоконфессионального государства единое образовательное поле могло быть только светским. В противном случае надо было бы соглашаться на разные образовательные системы, как религиозные, так и светские, чего советская власть, заявлявшая о себе как о представляющей интересы большинства народа, позволить не могла. Кстати, если посмотреть программы по реформе образования Всебашкирских съездов лета – осени 1917 года, составленных Ахметом-Заки Валиди, то там найдется много общих пунктов с тем, что предлагал и делал Карим Хакимов, за исключением обязательности религиозного образования для мусульман.

⁵¹ Косач Г.Г. Очерки. Общественно-политическая деятельность К. Хакимова в Оренбурге (1917–1920). С. 50.

Кроме того, как свидетельствуют документы, образование в губернии Карим строил с привлечением учителей из прежней, царской системы, от которой Советская Россия унаследовала принципы гимназического образования (т. н. прусская система), превратившие ее впоследствии в лучшую в мире, что сегодня общепризнано...

Усилиями К. Хакимова организуется семь начальных городских татарских школ, планировалось открыть еще четыре начальные и высше-начальные школы. Одновременно усилиями губернского комиссариата народного просвещения создаются педагогические курсы (всего восемь). Так что говорить о «разрушении» системы образования, как это делает Г.Г. Косач, как минимум некорректно.

С 12 марта по 2 июля 1918 года Хакимов был начальником губернского отдела народного образования. Он занял этот первый в своей жизни официальный пост по итогам прошедшего 12–25 марта 1918 года Оренбургского I Губернского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Карим избирается членом губисполкома. Это – данные самого Хакимова. Позднее Лутфи Гадилов исправил эти даты, написав, что съезд проходил 12 февраля 1918 года (по архивным данным). Он сам в нем участвовал и снова встретился с Каримом Хакимовым, который уже начал набирать популярность. Позднее Л. Гадилов женился на сестре Хакимова, Магнии (она была моложе Карима на десять лет), сельской учительнице, которая впоследствии пошла по стопам брата Халика, окончила Башкирский сельскохозяйственный институт, где долгое время преподавала. Во время Великой Отечественной войны она была инструктором Уфимского райкома ВКП(б) и мирно дожила до 1981 года.

30 марта 1918 года губернский исполком, в работе которого принял участие и Карим Хакимов, рассматривает вопрос о конфликте между руководством «Малой Башкирии» (см. ниже) и мусульманскими коммунистами Оренбурга. Исполком провозглашает, что «социальный характер русской революции разрушает территориальные границы между народами и нациями». Образование федеративной территориально-национальной татарско-башкирской республики губернский исполком признал вредным. Исполком предписал комиссару по национальным делам немедленно распустить Временный революционный совет Башкурдистана и создать губернский комиссариат по мусульманским делам, выделив из него коллегия по делам Башкурдистана.

Таким образом, к тому моменту определяются три основных направления деятельности К. Хакимова: содействие установлению советской власти и созданию ее новых органов; формирование и развитие новой светской системы образования, охватывающей все слои населения, и разрушение старой, «элитарной» системы, основанной на медресе для избранных из привилегированных классов; и, наконец, борьба со сторонниками автономии или независимости Башкортостана.

Сам К. Хакимов в своей известной автобиографии от 1932 года подает этот период как «ликвидацию контрреволюционного башкирского правительства» и борьбу «против контрреволюционных выступлений татарской буржуазии», а также «бешеную борьбу» против А.И. Дутова, за которым, как признает К. Хакимов, шло казачество и зажиточные слои населения...⁵²

В этот период острейшей борьбы за власть и формирования ее новых органов, когда общество в России и Башкирии оказывается глубоко расколотым, он, наконец, находясь в Самаре, официально вступает в апреле 1918 года в РКП(б) и, по его собственному признанию, становится «солдатом партии» или «мусульманским коммунистом». Свидетельством этому станут его слова в ходе встречи с боевым товарищем Г. Давлетшиным в Казани в апреле 1919 года: «Я вступил в партию большевиков и с того момента целиком и полностью посвятил себя

⁵² Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 55.

партии, потому что партийное дело – мое родное дело и выше цели, чем служение партии, у меня нет».

В этом контексте так и не объясненным до сих пор остается членство К. Хакимова в партии социалистов-революционеров с 1912 по 1915 год, о чем он напишет в своей анкете в 1920 году, хранящейся в Оренбургском архиве общественно-политической истории. Не ясно, как он к ним попал и почему от них откололся. Понятно лишь, что с 1918 года он уже окончательно сделал выбор в пользу партии большевиков. Хотя в той же анкете он пишет, что в РСДРП он с 1915 года и по настоящее время (1920)⁵³. Нельзя исключать того, что бдительные органы НКВД знали об этом больше и впоследствии этот факт также мог быть использован против него. Возможно, на эсеров он вышел через поляка Ковалевского, поскольку даты совпадают с периодом его скитальчества в Средней Азии и первым революционным опытом. Но это – только догадки. Тайна до сих пор остается неразгаданной, как и то, почему сам Карим Хакимов об этом ничего не рассказывал.

Опять-таки можно только предположить, что идеи лидера социалистов-революционеров В. Чернова, бывшего в 1917–1918 годах и министром Временного правительства, и председателем Учредительного собрания, о мирном и демократическом переходе к социализму были Кариму одно время близки (возможно, даже уже в Томске и вскоре после возвращения в Оренбург), как и предложения эсеров, поддерживавшиеся и А.-З. Валиди, о «социализации земли». Но все это остается по-прежнему загадкой, как и то, в каком, боевом или политическом, крыле этой мощной на тот период и весьма противоречивой в своих действиях партии он состоял.

Однако, как бы то ни было, с апреля 1918 года его жизнь уже полностью подчинена советской партийной и военной работе, которой он отдается самозабвенно. Новизна и грандиозность задач завораживают, и он, как многие люди того времени, захваченные пафосом глобальных революционных перемен, исходит из того, что никакие жертвы на этом пути, как, впрочем, считали те же эсеры, воевавшие и с царизмом, и с большевиками, нельзя считать неоправданными. Пламя гражданской войны разгорается все ярче.

Впервые за долгие годы 28-летний Карим в условиях начавшегося гражданского конфликта в стране сталкивается с прямой угрозой своей жизни. Но, увлеченный идеями построения нового, справедливого, как он верит, общества он не знает страха и упрека. После казачьего набега на Оренбург 4 апреля 1918 года он берется за винтовку, работает в качестве агитатора в Мусульманском батальоне, а со 2 июля, после возвращения А.И. Дутова в Оренбург и восстановления, пусть и на короткий шестимесячный период, его власти, он из «трибуна, агитатора и главаря» полностью превращается в военного в традиционной для того времени «кожанке». Оружие надолго становится его главным атрибутом. Всех, кто встречал его тогда, впечатлял, а девушек – пугал огромный наган, висевший на боку в кобуре.

В этот период положение советской власти было шатким. В мае 1918 года начался мятеж чехословацкого корпуса, официально подчинявшегося французскому командованию. Чехи, военные формирования которых были сформированы еще до революции для борьбы с немецкими войсками, официально финансировались французским правительством и находились под его командованием, теперь, после подписания в марте того же года «похабного» Брестского мира, по соглашению с Советом народных комиссаров (И.В. Сталин с Т. Масариком) должны были быть вывезены из России через Владивосток по Транссибу. Однако вопреки своим обязательствам не вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу в России, они, то ли опасаясь выдачи немцам (после требования советского правительства, а конкретно Л.Д. Троцкого остановить движение на Восток, разоружиться и переориентироваться на маршрут Архангельск – Мурманск), то ли, как считал В.И. Ленин, отработывая французские и английские деньги,

⁵³ ОГАСПИ, ф. 1, оп. 2, д. 4487, л. 1.

выступили против советской власти, чем сильно укрепили в том числе и позиции А.И. Дутова в Оренбургской губернии, позволили ему вернуться летом 1918 года в Оренбург.

Естественно, в сегодняшней исторической литературе, в том числе чешской, дело подается так, что чешский экспедиционный корпус героически боролся с большевиками за идеалы демократии, а все зверства, приписываемые им, совершили большевики, которые на них напали... Правда, никто сейчас не уточняет, а просил ли кто чехов устанавливать у нас демократию? Тем более что в Белом движении, союзниками которого они выступили, были и монархисты, а не только сторонники Учредительного собрания. А чехи выступали как на стороне КОМУЧа, так и монархистов. Да и внутри самого чехословацкого корпуса временами не было единства в вопросе, за кого воевать. Ведь чехи на тот период были всего лишь интернированными комбатантами. Но у каждой страны свои исторические мифы, тем более что официально экспедиционный чешский корпус (от 50 тыс. до 70 тыс. человек) возглавлял, хотя реально и не руководил им во время путча, будущий первый президент Чехословакии Т. Масарик, что во многом выводит их из-под критики в родной стране.

Скрепя сердце, после серьезных колебаний приняв решение Губисполкома об отводе войск Красной армии из Оренбурга в Казахстан по Ташкентской железной дороге под давлением чехов, А.И. Дутова и частей сторонников «Малой Башкирии», Карим Хакимов летом 1918 года вливается в ряды военных. Но и на военном поприще лидерские качества К. Хакимова ведут к тому, что в боевых действиях он проявляет себя незаурядным деятелем. Особенно ярко это обозначилось в битве у Сакмарского моста, когда он с насоро сформированным татаро-башкирским легионом прикрывал отход частей Красной армии, вместе с ним отбил несколько яростных атак казачьих частей и после его завершения взорвал мост, сев потом в последний уходивший на юг эшелон⁵⁴.

Начав простым бойцом, он вскоре становится командиром роты и командиром батальона (командир 2-го батальона Легиона III Интернационала)⁵⁵, пройдя с оружием в руках всю Актюбинскую кампанию в Туркестанской армии, вплоть до повторного вхождения Красной армии в Оренбург в январе 1919 года. Тогда он не раз принимает участие в боях с войсками А.И. Дутова в населенных пунктах Матук, Каратугай и Яйсан.

Зачастую положение Туркестанской армии было отчаянным: не хватало продовольствия, обмундирования, боеприпасов, она находилась длительное время в окружении, из которого вышла лишь в ноябре. Все тяготы того времени Карим делил с простыми бойцами.

Думается, в этот период выковались качества Хакимова как победоносного лидера: многие убеждаются в том, что где Карим – там победа. Он не имеет специального военного образования, насоро проходит военные курсы, но затем сражается весьма успешно. Военные триумфы еще больше утверждают его в правильности избранного пути и укрепляют в необходимости еще шире развернуть бурную работу по строительству нового строя. Любое сопротивление на этом пути со стороны социума трактуется им как контрреволюционная деятельность, а несогласие с ним внутри партии, особенно по национальному вопросу, – как «националистический уклон».

22 января 1919 года происходит повторное взятие Оренбурга Красной армией. Хакимов вновь, уже без особого энтузиазма с его стороны, поскольку ему понравилась армейская среда, назначается губернским комиссаром народного образования и возвращается к прежней работе. Во всех селах с татарским и башкирским населением благодаря его неустанным трудам возникли школы с преподаванием на родном языке, были созданы библиотеки. Для подготовки учителей снова создали краткосрочные курсы. Хакимов работает не только как организатор, но и как пропагандист, разъясняя цели и задачи новой власти. Он часто выступает в тот период в

⁵⁴ См.: *Гадиллов Л.З., Гумеров Ф.Х.* Революционер-дипломат. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1977. С. 36.

⁵⁵ Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 65.

помещении кинотеатра «Фурор». Его речи, всегда яркие, простые и доходчивые, рассчитанные на простонародную аудиторию, пользовались большой популярностью. Как и его боевые товарищи, жил он тогда очень аскетично, избрав для себя дом Насибуллиных на Водяной улице, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем.

На фоне этой безумной по уровню риска жизни, когда пуля может в любой момент настичь его, вряд ли он думает о карьере государственного деятеля, а свою жизнь Карим видит как путь к победе всемирной социалистической революции в соответствии с лозунгами большевиков того времени. Поэтому утверждения Г.Г. Косача а также Р.Ф. Хайретдинова в его диссертации о карьеристских мотивах К. Хакимова выглядят как минимум теоретически отвлеченными, если не сказать надуманными. Так, Р.Ф. Хайретдинов пишет, что «идеалом К. Хакимова и его оренбургских единомышленников, говоривших и действовавших в направлении создания соответствующей эпохе социализма мусульманской культуры, было возвращение в прошлое, в четко стратифицированное общество имперского времени»⁵⁶.

Это неверно не только из-за того, что К. Хакимов думал не о карьере, а о победе своих идеалов (вне зависимости от того, как они воспринимаются сегодня), а потому, что в этот период истории ни о какой реставрации Российской империи, даже весьма условной, даже в ее красном обличье, речь не шла. Идеи возрождения мощного государства начали обретать плоть и работать гораздо позже, когда в конце двадцатых – начале тридцатых годов у власти в СССР укрепился И.В. Сталин, который развернул политику от провоцирования мировой революции к строительству сильного национального государства. Да и тот, сталинский, СССР называть империей можно было с большой натяжкой – скорее «империей наоборот», поскольку она больше вкладывалась в развитие окраин, а не метрополии. В 1919–1920 годах, в разгар Гражданской войны, это просто никем не обсуждалось! К. Хакимов, как и основная часть коммунистов, был за III Интернационал и мировую революцию.

Друзьями и единомышленниками Хакимова в тот период были Сахипгирей Саидгалеев, Камиль Якубов, Шагит Худайбердин, Гали Касимов, Шамиль Усманов, Ади Маликов, Хусаин Мавлютов – интернационалисты. Г.Г. Косач их характеризует как группу татар – мусульманских коммунистов, которая противостояла бывшим джадидам, которые в Москве созвали свой съезд и создали новый орган – Всероссийское Центральное бюро мусульманских организаций РКП. Его спланировали люди совсем другой ориентации – Мулланур Вахитов и Мирсаид Султангалеев (Султан-Галиев). Вот это – абсолютно обоснованно!

Несколько позднее, в апреле (по другим данным в марте) 1919 года, Карим берет отпуск и едет в Казань. Там вместе с Карибом Хайрулиным и Шамилем Усмановым он либо самостоятельно, либо по поручению Реввоенсовета Южной группы Восточного фронта, возглавляемого тогда М.В. Фрунзе (он там с ним в это время познакомился и далее сотрудничал в Туркестане) и В.В. Куйбышевым (именно он впоследствии порекомендует К. Хакимова на дипломатическую работу), формирует 1-ю Приволжскую татарскую казачью бригаду⁵⁷. Она начинает сражаться с июня 1919 года⁵⁸. А уже 7 августа 1919 бригада форсировала реку Урал, заняла ряд казачьих станиц – Зубочистенскую, Краснохолмскую, Чернореченскую – и города Акбулак, Тоз-Тубэ, Актюбинск.

Занятый формированием мусульманских бригад, Карим Хакимов в результате пропускает важнейший этап в развитии военно-политической обстановки в Башкирии – а именно соглашение о «Малой Башкирии», заключенное между советскими лидерами, конкретно –

⁵⁶ Хайретдинов Р.Ф. Карим Хакимов – революционер, дипломат: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Уфа, 2006. С. 59.

⁵⁷ Ее формирование началось 24 марта 1919 года.

⁵⁸ В июле 1919 года эта бригада, насчитывавшая 7222 штыка, вошла в состав Первой армии под командованием М.В. Фрунзе, чтобы сражаться с армией адмирала Колчака и казаками южнее Оренбурга. 11 августа Южная группа Восточного фронта была преобразована в Туркестанский фронт.

между Лениным и Сталиным и правительством «Малой Башкирии». В этой борьбе он не участвует еще и потому, что с конца мая 1919 года будет поглощен вопросом противодействия вредному, с его точки зрения, «националистическому уклону» в самом коммунистическом движении в России, возглавляемом М. Султангалеевым.

Ахмет-Заки Валиди и борьба вокруг национального вопроса

В связи с темой «Малой Башкирии» настало время вспомнить о другом нашем герое – Ахмете-Заки Валиди.

Есть все же некая мистическая связь между ним и Каримом Хакимовым! Выдающийся историк-востоковед, подающий большие надежды ученый, Ахмет-Заки, как и Карим, именно в 1915 году круто меняет свою жизнь. Если Хакимов в этот год уезжает в Томск, где начинается его политическая карьера, то Ахмет-Заки Валиди в том же году и, как и Карим, в 25-летнем возрасте избирается от Уфы в мусульманскую фракцию IV Государственной думы. Судя по всему, оба наших героя почувствовали, что в стране грядут большие перемены и к ним надо хорошо подготовиться. Оба видят свое будущее в политике.

Так же как и Карим, Ахмет-Заки с большими надеждами встретил Февральскую революцию, считая, что она откроет дорогу к свободе народа Башкирии. Будучи не менее деятельным, чем Хакимов, он развернул бурную активность по созыву I Всероссийского мусульманского съезда. Молодой политик мотается по стране, проводя собрания мусульман как в Туркестане, который, как и Хакимову, был ему знаком по его ранним поездкам туда «с научными целями», так и в самой Башкирии. Если Хакимов в 1915 году твердо выбирает стан большевиков и становится из эсеров «мусульманским коммунистом», то Ахмет-Заки тоже определяется со своей позицией. И она не столько мусульманская, сколько национальная: он твердо выступает за то, чтобы на съезд была направлена отдельная делегация башкир, что ему вполне удастся. На съезд выехало 58 человек от Башкирии, хотя она тогда не имела своих четко очерченных границ и была на тот момент скорее мыслеобразом и проектом с неясными очертаниями.

На I Всероссийском мусульманском съезде (май 1917 года) Ахмет-Заки, как мы уже упоминали выше, вместе со своими единомышленниками добился поддержки принципа федеративного устройства России, самоопределения всех тюркских народов. Представляя одно из крыльев российского джадидизма, А.-З. Валиди выдвигается на одну из первых ролей в деле становления башкирского национального движения. Он – не Исмаил-бей Гаспринский и нигде не говорит об общности судеб русского и башкирского народов, упирая больше на принцип национального самоопределения, за которым маячит идея самостоятельной жизни тюркских народов. При этом в практической деятельности он от пантуранских воззрений (которые он в документах старается все же пунктиром сохранять) начинает смещаться к конкретной модели самостоятельного национального самоутверждения башкир, хотя делает это аккуратно, не выпуская из поля зрения и не компрометируя свою стратегическую цель объединения всех тюрков.

Так, в своих «Воспоминаниях» он пишет: «На Московском съезде я не выступал за независимость Башкурдистана. В тот период я проводил идею о независимости Туркестана. Я считал, что применительно к Поволжью, где преобладало русское влияние, можно вести речь о культурной автономии, а восточная область, где тюркское население составляло большинство (впоследствии она стала называться “Малая Башкирия”), может присоединиться к Туркестанскому и Казахстанскому движению за территориальную автономию».

А параллельно он начинает готовить созыв Всебашкирского съезда в соответствии с полномочиями, полученными от Всеимамского съезда, запускает издание газеты «Башкорт», где публикует свои статьи об особом месте Башкортостана в освободительном движении мусульман Поволжья и Туркестана.

Ахмет-Заки проявляет себя крайне деятельным и энергичным политиком, не теряющим ни секунды. На первом (20–27 июля 1917 года) и втором (22–29 августа 1917 года) всеобщих

съезда башкир он избирается в состав Башкирского областного шура, становится заместителем его председателя и председателем военного отдела, что уже говорит о его широких замыслах по государственному строительству. Выясняется, что у башкирской автономии должен быть свой военный компонент! Говоря сегодняшним языком, он хочет взять у России столько суверенитета, сколько сможет. Ахмет-Заки продвигает идеи создания демократической башкирской республики на национальных, территориально-федеративных началах, что оформляется соответствующими резолюциями. Много времени уделяет границам будущей «Малой Башкирии», в которые старается включить все территории, на которых башкиры составляют большинство.

В решении съезда так и было записано: «Башкиры, объединившись с тюркскими народами на востоке и на юго-востоке, борющимися за достижение автономии (т. е. с казахами и другими туркестанцами), будут добиваться осуществления автономии». А.-З. Валиди подготовил два первых фармана (указа) Башкирского областного шура. Фарман № 2 провозгласил автономию Башкортостана: «Башкирский областной совет объявляет башкирскую территорию Оренбургской, Уфимской, Самарской и Пермской губерний с сего 15 ноября [1917 года] автономной частью Российской республики...»

На III Всебашкирском учредительном курултае (8–20 декабря 1917 года) А. Валидов был избран председателем съезда. Им готовились основные резолюции, а также карты-схемы Малой и Большой Башкирии. На съезде утвердили провозглашенную шура автономию Башкортостана. Затем А.-З. Валиди был избран в состав Ксе-Курултая (предпарламента) и правительства Башкортостана. Своей столицей они временно выбирают Оренбург.

В феврале 1918 года Ахмет-Заки Валиди вместе с другими членами башкирского правительства был арестован на два месяца Оренбургским губернским военно-революционным комитетом. К этому аресту Карим Хакимов, хотя и находился в том же городе и активно занимался политикой, не был причастен, поскольку вошел в органы советской власти Оренбурга только 11 апреля 1918 года⁵⁹. К тому же он тогда был поглощен вопросами народного просвещения. Как пишет башкирский исследователь Н.М. Калмантаев, ссылаясь на справку, подготовленную З. Абитаевым, который входил в делегацию, направленную военной фракцией II Военного съезда для расследования причин ареста правительства «Малой Башкирии», отмечает, что арест произвел Гали Шамигулов. Об этом написала газета «Курултай» 18 марта 1918 года⁶⁰. Однако факт остается фактом. Судьба свела двух исторических деятелей Башкирии в одном городе в один из самых драматичных периодов как ее истории, так и истории всей России. К.А. Хакимов лишь косвенно причастен к этому событию, поскольку являлся членом Мусульманского военно-революционного комитета, который выступил с инициативой ареста. Но решение принимал С.М. Цвиллинг, а арест произвел Г. Шамигулов, о чем и говорится в справке З. Абитаева. В воспоминаниях А.-З. Валиди в этом контексте его имя не упоминается, в отличие от С.М. Цвиллинга, который приходил к арестованному Валидову.

После освобождения из тюрьмы (или побега?) в ходе набега А.И. Дутова на Оренбург с апреля 1918 года Ахмет-Заки энергично восстанавливает жизнедеятельность башкирского правительства и занимается, как и Карим Хакимов, формированием башкирских частей. Однако, если Карим формировал мусульманские батальоны как интернационалистические, на платформе поддержки советской власти, то Ахмет-Заки делал это с прямо противоположных позиций, искал на первых порах поддержки у командования чехословацкого корпуса, руковод-

⁵⁹ Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 65.

⁶⁰ Россия и исламский мир: история и перспективы цивилизационного взаимодействия: Сборник статей и материалов. Уфа, 2011. С. 75

ства КОМУЧа, Временного сибирского правительства, других политических и военных сил, обосновывая это желанием сохранить автономию Башкортостана и его войско⁶¹.

В этих условиях Карим Хакимов никак не мог поддерживать действия одного из родоначальников автономии Башкортостана – они находились по разные стороны баррикад, и вышеупомянутое решение Оренбургского губисполкома от 30 марта 1918 года, хоть и принятое без его участия, с осуждением сторонников «Малой Башкирии», окончательно развело их судьбы. Так он разошелся с одним из крыльев движения российских джадидов, делавших ставку на обособление тюркских народов от России (а по версии А.-З. Валиди – и от татар) в той или иной форме, как потом разойдется и с их другой ветвью, возглавляемой М. Султангалеевым и развивавшейся в форме национального мусульманского коммунизма.

Как благожелательно пишут составители сборника, изданного под эгидой правительства Башкортостана, «А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920)», «основная цель А. Валидова и его единомышленников как в восточном Башкортостане, так и в Казахстане и Туркестане предельно ясна: в ходе фундаментальных политических перемен в России добиться максимальной автономной самостоятельности тюркских народов, скрепив их единство полным политическим и культурно-языковым равноправием в пределах федерации тюркских и других мусульманских народов. И это должно послужить основой для достижения со временем полной их самостоятельности и отделения от России»⁶².

При этом нельзя сказать, что правительство «Малой Башкирии» и сам Ахмет-Заки не предпринимали попыток договориться с советской властью, в том числе и в Оренбурге. Однако первая попытка, как мы видели, закончилась арестом членов правительства «Малой Башкирии», которые тогда избрали своей временной столицей Оренбург. Участники тех событий потом во всем винили «засевших в органах советской власти татар», которые, мол, и не хотели договариваться. Но во многом, думается, это определялось не этнической принадлежностью членов Оренбургского военно-революционного комитета (среди российских историков многие их привычно именуют «татарскими националистами»), но общей ориентацией тогда оренбургских коммунистов на социальные, а не национальные аспекты революции, которые в большевистских верхах педалировали Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин и Г.Л. Пятаков. В.И. Ленин и И.В. Сталин действовали в тот момент во многом на ощупь, пытаясь найти союзников на востоке России среди религиозных и национальных меньшинств. Да и вообще с точки зрения политической практики трудно себе представить сосуществование в одном городе в одно и то же время двух центров власти. Два медведя в одной берлоге...

На тот период большевистские вожди в Москве решали триединую задачу: сохранить власть Советов, обеспечить поддержку своим преобразованиям со стороны мусульманских народов России и использовать восток России, прежде всего Оренбургскую губернию, как плацдарм для распространения революционных движений на Туркестан и далее на Персию, Афганистан и арабский Восток. Тем более что надежды на пролетарские революции в Европе не оправдывались. Особую актуальность эти лозунги обрели несколько позднее, с лета 1919 года.

В этом контексте политические реалии того времени требовали порой от Ахмета-Заки и других членов его правительства принятия решений, продиктованных изменениями в общей ситуации. Как вскоре после образования «Малой Башкирии» понял А.-З. Валиди, цели белочехов были явно чужды ее сторонникам, союз с ними выглядел все более противоестественным, КОМУЧ требовал отказаться от поддержки Брестского мира, а военная диктатура Колчака

⁶¹ А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920). Документы и материалы. Ч. 1 / сост.: Н.М. Хисматуллина, Р.Н. Бикметова, А.М. Галеева, Ю.Р. Сайранов. Уфа: Китап, 2005.

⁶² Там же. С. 13.

вообще была категорически против реализации каких-либо национальных чаяний не только башкир, но и всех других национальных меньшинств в России. Адмирал Колчак, возглавлявший Белую армию, установил контроль над территориями и приказал «уничтожить территориальную автономию и распустить военное формирование башкир»⁶³. Ахмет-Заки Валиди и его сторонники вынуждены вновь и вновь – в июне и сентябре, а затем и ноябре – посылать своих эмиссаров к центральной советской власти договариваться. Но эти сигналы до Москвы по разным причинам не доходили.

Ахмет-Заки, выполнявший функции Верховного главнокомандующего (ему, ученому-востоковеду по образованию, как и Кариму Хакимову, пришлось стать военным), оказался между молотом и наковальней: с одной стороны – не доверяющие ему КОМУЧ и адмирал Колчак, против которого он в декабре 1918 года составил заговор вместе с эсерами и на которого неудачно покушался, а с другой – абсолютно не доверявшие ему красные, которые еще недавно бились с его войсками и хотели от его вооруженных формирований только одного – немедленно сложить оружие и разоружиться. Он оказался между двумя диктатурами – пролетарской и колчаковской – и решил выбрать одну из них.

Валиди проявляет мужество, хладнокровие и последовательность. В конце 1918 года Башкирское правительство, несмотря на двойственность своего положения, принимает окончательное решение о переходе на сторону советской власти. Между башкирскими националистами и большевиками были начаты переговоры, которые со стороны советской власти вел Мирсаид Султангалеев, к жизни которого и к его отношениям с Каримом Хакимовым и Ахметом-Заки Валиди мы еще вернемся...

В январе 1919 года уполномоченный от башкирского правительства Муллаян Халиков отправился в Уфу, чтобы изложить Губревкому – Революционному комитету провинции – условия присоединения башкирского правительства к советскому лагерю⁶⁴. Условия он выставил жесткие: в первую очередь полное признание автономии; эти условия включали, кроме того, окончание иммиграции – колонизации региона (читай: русскими), за исключением тюрко-татарского населения; но это требование было расценено башкирским правительством как чрезмерное, и от него вскоре было решено отказаться. Просьбы, явно запросного характера, были переданы в Москву⁶⁵.

Ответ Ленина и Сталина революционному комитету не заставил себя ждать. Их инструкции свидетельствуют об абсолютном приоритете, который они тогда отдавали военным задачам в контексте разгоревшейся гражданской войны: «Предлагаем не отталкивать Халикова, согласиться на амнистию при условии создать в мае единый фронт с башкирскими формированиями против Колчака; советская власть полностью гарантирует национальную свободу башкир. Конечно, необходимо в то же время жестко ликвидировать контрреволюционные элементы в башкирском населении и обеспечить эффективный контроль над верностью пролетарских башкирских войск»⁶⁶

⁶³ Renault Matthieu. "L'empire de la revolution". Lenine et musulmans de Russie. Paris, edition SYLEPSE, 2017. P. 59.

⁶⁴ Ibid. P. 60.

⁶⁵ В воспоминаниях А.-З. Валиди требования его правительства изложены так: Башкортостан имеет полную самостоятельность во внутренних и экономических делах, башкирские войска подчиняются советскому командованию, но всю внутреннюю жизнь определяют сами. Строительство коммунизма в республике необязательно. Валиди Тоган З. Воспоминания: В 2 кн. Кн. 1. С. 278.

⁶⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 28. С. 467.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.